

Павел Белков

Этнография родства и проблема рациональности научного открытия

В философии науки уже давно и прочно установилось мнение о «недоразвитости» социальных (гуманитарных, исторических) наук. Любопытно, что сами представители «недоразвитых» («описательных») наук покорно соглашаются с этим мнением, наблюдая с нескрываемой завистью за успехами «точных» наук (компьютеры, мобильные телефоны и прочие полезные вещи). При этом предполагается, что понятие научной точности, т.е. эффективности с точки зрения достижения общезначимых результатов, связано исключительно с математизацией естественнонаучных знаний. Между тем в своих не слишком высоких оценках современного состояния социальных наук философы науки имеют в виду совсем другое. Они говорят о странной привычке гуманитариев постоянно оспаривать самые основы своих наук, а следовательно, делать принципиальное допущение возможности незнания или непонимания, где проходят границы принадлежащих им предметных областей. Выражаясь проще, физики со своими методами никогда не позволят себе вторгнуться в химию, химики — в физику, тогда как в гуманитарных науках таких запретов, кажется, вообще не существует, по крайней мере в некоторых изданиях. В той или иной степени все гуманитарные науки страдают этой болезнью. По понятным

Павел Львович Белков
Музей антропологии
и этнографии
им. Петра Великого
(Кунсткамера) РАН,
Санкт-Петербург,
Pavel.Belkov@kunstkamera.ru

причинам чаще других на роль создателей метатеории претендуют лингвисты, а в качестве полигона на уже не вполне очевидных основаниях они избирают этнографию.

Другая сторона вопроса состоит в том, что «алгебра родства», является ли она пустым множеством рациональных высказываний или нет, решает проблему своего существования посредством обычного и, на мой взгляд, сильно упрощенного понимания теории научных революций Томаса Куна вроде: *некоторое утверждение составляет знание, если достаточно большое число людей верит в его истинность достаточно твердо*. К сожалению, неизвестно, насколько многочисленно сообщество последователей «алгебры родства», насколько тверда их вера в избранные ими символы и насколько едиными являются эти символы для членов этого сообщества. Кроме того, существует и другая концепция развития науки, связанная с именем Имре Лакатоса, которая гласит, что та или иная теория может иметь научную ценность, несмотря на то что в какой-то момент никто ее не понимает и тем более в нее не верит. Критерием научной ценности тех или иных теорий являются достигнутые (предъявленные) ими результаты, и именно на этой основе возможна их открытая конкуренция. Как кажется, это само по себе предполагает рекрутирование сторонников.

Исходя из сказанного наиболее *органичным* будет разделение этого текста на две относительно самостоятельные части, первая из которых посвящена «критике критики» (вопрос: существует ли «алгебра родства?»), а вторая — позитивной подаче материала, основанной на соревновании рассматриваемых концепций (вопрос: возможна ли альтернатива «алгебре родства?»).

Часть I. «Алгебра родства»: между лингвистикой и этнографией

Особенность настоящей дискуссии, можно сказать, состоит в том, что А.А. Бурькин и Н.А. Добронравин предполагают в качестве эталона этнографических исследований тексты В.А. Попова. Работы других этнографов, по-видимому, рассматриваются ими как «неправильная этнография» (по аналогии с «неправильными пчелами»). С узколингвистической точки зрения, возможно, все так и выглядит. Однако возникает некий парадокс. В данном случае, пользуясь терминами Имре Лакатоса, лингвисты выступают в профессионально противостоительной для них роли представителей «внутренней истории» этнографических открытий в области исследований систем родства. Напротив, В.А. Попов оказывается едва ли не большим лингвистом, чем сами лингвисты, встав на позиции написания «внешней истории» этнографии родства средствами лингвистики.

1. Отклик Н.А. Добронравина делится на три неравные по объему части: зачин, экспозиция и концовка. В зачине говорится, что родство, будучи тривиальным феноменом обыденной жизни, оказывается крайне трудноуловимым, «если возникает необходимость его систематического изучения». «Дискуссии о скрытых смыслах в этой сфере, — пишет Н.А. Добронравин, — перманентно напоминают известный спор слепцов о том, как выглядит слон (узкий и длинный, широкий и плоский, высокий и толстый и т.п.)» (С. 328). Именно это я и имел в виду, когда говорил о схоластизации исследований под грифом «алгебра родства» (см.: [Белков 2010б: 4]). «Дискуссии о скрытых смыслах» проходят исключительно на страницах одноименного альманаха под ответственным редактированием В.А. Попова. В первые годы существования альманаха я связывал с этим изданием определенные надежды на некоторое развитие исследований и даже принимал участие в отдельных дискуссиях. Например, уже в первом выпуске «Алгебры родства» вышла моя статья под заглавием «Тетраидная теория как элемент научного познания, или По поводу смысла “алгебры родства”» [Белков 1995]. В дискуссиях между этнографами и лингвистами я не принимал участия по тем же причинам, по которым мною была написана статья, побудившая Н.А. Добронравина к некоторым размышлениям.

Попутно мне хотелось бы оправдаться относительно того, что я некоторым образом нарушаю авторские права Н.А. Добронравина и А.А. Бурькина, не заметив предложения «различать и соответственно по-разному изучать» этнографические и лингвистические аспекты родства (С. 329). По моим сведениям, лингвистические и этнографические исследования были в целом неплохо «различены» более двух столетий тому назад. В университете меня учили: этнография и лингвистика — разные науки. Поэтому я исхожу из этого разделения как общеизвестного факта и пытаюсь напомнить об этом этнографам, занимающимся изучением систем родства, предлагая более «этнографичный» метод исследования.

Помнится, именно в связи с нарушением границ между этнографией и лингвистикой Н.А. Добронравин обращался к Г.В. Дзибелю: «Не совсем понятно, почему уже сложившиеся науки следует отвергнуть ради иденетики» [Добронравин 2000: 58]. Лично меня как этнографа привлекают своей категоричностью формулировки А.В. Дыбо и С.В. Кулланды. В самом деле, этнографам следует оставить вопросы этимологии терминов родства лингвистам и заняться сюжетами, лучше им знакомыми [Дыбо, Кулланда 2009: 37]. Вероятно, должна быть верна и обратная теорема.

Основная часть посвящена собственным мыслям Н.А. Добронравина, показывающим, настолько развитым ассоциативным мышлением он обладает. Цитаты из моей статьи приводятся как своего рода артефакты вроде: *если я привожу цитаты из статьи П.Л. Белкова, то именно о ней я и говорю*. Думается, было бы проще, собрав воедино собственные идеи по поводу «лингвистической антропологии», изложить их еще раз в отдельной статье, а не хоронить в отклике на чужую публикацию. Правда, заранее можно предположить, что с этим возникнут определенные трудности. Если мы будем исходить из американской модели классификации наук, то лингвистика — это уже антропология; а если мы будем исходить из того, что «антропология» есть синоним «этнографии», то лингвистическая антропология окажется субдисциплиной этнографии. Общий характер высказываний Н.А. Добронравина свидетельствует, что в его представлении новые дисциплины возникают в результате скрещивания уже существующих наук. На самом деле новые дисциплины возникают в ходе эволюции (изоляция и самостоятельного развития) тех или иных областей внутри какой-либо одной отрасли знания. Скрещивание если и происходит, то не на уровне предмета исследования, а на уровне терминологии.

Здесь следует остановиться на одном моменте, который Н.А. Добронравина как языковеда, вероятно, заинтересовал больше всего. Речь идет о моей несогласии с установкой В.А. Попова, что исследование систем родства должно идти от систем терминов к системам родства [Белков 2010б: 4]. Из этого Н.А. Добронравин заключает, что суть моего предложения состоит в методе «от системы родства к системе терминов родства» (С. 329). Делая такой вывод, он пользуется ложной посылкой, применяя закон исключенного третьего. В действительности я говорю о необходимости изучать системы родства в целом, причем как этнографическое явление. И обращаюсь с этим призывом к этнографам, а не к лингвистам. В данном контексте рассуждения Н.А. Добронравина о (лингвистической) форме и (этнографическом) содержании неточны. На языке семиотики для лингвиста содержанием является семантика и/или сигматика, а для этнографа — прагматика, по отношению к которой синтактика, семантика и сигматика выступают только в роли преамбулы. Разумеется, это не означает, что этнографы «умнее» лингвистов или наоборот.

Словарь терминов родства не может отражать систему родства по определению. Систему родства отражает подробное описание связанных с использованием терминов родства норм поведения людей, как говорили в старину, «нравов и обычаев». Причем такое описание невозможно без построения схем

родственных отношений, которые, разумеется, могут различаться по степени изоморфности описываемым явлениям. Пытаться изучать системы родства по методу В.А. Попова — это все равно что изучать английский язык по англо-русскому словарю или роман «Война и мир» по краткому содержанию глав, помещенному в конце каждой части. Никакой «компонентный» анализ этих коротких текстов не заменит чтения самого романа, если мы хотим понять его основную идею или композицию. Еще меньше в этом могли бы помочь дискуссии о соотношении лингвистического и литературоведческого (или исторического) подходов.

Концовка статьи Н.А. Добронравина замечательна своей краткостью, но она мне крайне дорога, поскольку это единственное место, где речь идет о предлагаемом методе, т.е. именно о моей статье. «Что касается конкретики метода, предложенного П.Л. Белковым, — пишет Н.А. Добронравин, — то при всей его сложности с точки зрения публикации, было бы интересно посмотреть, как он работает не только на австралийских или океанийских примерах. Итоги применения метода П.Л. Белкова, по нашему мнению, следовало бы опубликовать (разумеется, вместе с откликами критиков) в “Алгебре родства”» (С. 333). Таким образом, выясняется, что к моему методу у Н.А. Добронравина, собственно, нет никаких претензий. Конечно, мне тоже было интересно проверить, как этот метод работает на материалах по другим культурным ареалам. Некоторые мои работы на эту тему можно найти в библиографии отклика В.А. Попова (С. 363–364). В настоящее время в Кюнеровском сборнике вышла статья «К интерпретации классификационных систем родства (на китайских материалах)» [Белков 2010а].

2. Отклик А.А. Бурькина привлекает более пристальное внимание и вызывает гораздо больший интерес с точки зрения проблемы «этнография глазами филолога». Как пишет автор, «типология систем родства представляет собой особенно успешно развивающееся направление, примером чего являются работы Г.В. Дзибеля, новаторские и по объему материала, и по представленным в них подходам» (С. 336). В чем именно состоит новизна подходов Г.В. Дзибеля, А.А. Бурькин не уточняет, но по закону контрастного построения разбор моей статьи можно открыть заявлением, что она «возвращает нас к той проблематике систем родства, которая волновала умы этнографов и антропологов еще во второй половине XIX — начале XX в., вечному вопросу исторической преемственности систем родства» (С. 337). А.А. Бурькин отмечает роль Л.Г. Моргана как «основоположника изучения феномена родства», заложившего

основы классификации систем родства, которые продолжают сохранять свое фундаментальное значение в современных исследованиях; а в следующем абзаце задает вопрос, который, как он полагает, ставит меня в тупик, и потому сам же на него отвечает. Приведем это место полностью.

«Здесь уместно задать вопрос, — пишет А.А. Бурькин, — насколько корректным в наши дни является не критическое использование концепции истории человеческого общества, отвечающее уровню знаний середины XIX в., концепции, во многих отношениях адаптированной к культуре того времени и ее индивидуальным представлениям о состоянии уровня развития системы жизнеобеспечения и социальной жизни древних обществ и этносов, представляющих архаические состояния культуры? Как нам думается, сама постановка вопроса и стремление представить эволюцию систем родства в виде постепенного перехода от промискуитета к моногамной семье уже не отвечают современному уровню знаний об истории человеческого общества, во многом соотносятся с научными мифами, стремлением мифологизировать историческое прошлое и искусственно дистанцировать его от близкой к нашему времени реальности, при этом с мифологической точностью вывернуть это прошлое наизнанку по сравнению с известными нам системами, руководствуясь в решении проблемы примерно следующей логикой: если мы имеем повсеместно тенденцию к формированию парной семьи, значит в прошлом этой самой семьи не было, а было что-то иное — в основном то, что не понимается, не принимается или прямо осуждается современным обществом» (С. 337).

В самом деле, что может быть более смешным с точки зрения современной этнографии, чем «стремление представить эволюцию систем родства в виде постепенного перехода от промискуитета к моногамной семье» или вывод «если мы имеем повсеместно тенденцию к формированию парной семьи, значит в прошлом этой самой семьи не было»? Жаль, что в моей статье отсутствуют высказывания, которые хотя бы с натяжкой могли быть истолкованы в этом смысле и послужить для такого рода возражений. Сами понятия «промискуитет», «парная семья», «моногамная семья» мною даже вскользь не упоминаются. В данном случае А.А. Бурькин критикует отрывки какого-то несуществующего в реальности текста. Или он просто что-то напутал. Вероятно, при написании отзыва на мою статью он держал перед собой книгу «Происхождение семьи, частной собственности и государства» Ф. Энгельса, которую он цитирует едва ли не целыми страницами. А.А. Бурькин даже похвалил Ф. Энгельса за то, что тот был внимательным читателем сочинений Л.Г. Моргана и благодаря этому, предвосхищая

А.А. Бурыкина, сумел отметить «зависимость состояния изученности проблем систематики родства от фундаментальных культурных детерминант» (С. 338).

Что же касается прямого противопоставления позиций Г.В. Дзибеля и П.Л. Белкова по линии «новаторство — вековая отсталость», то А.А. Бурыкин несколько преувеличивает возможность таких предельно упрощенных оценок. В книге «Феномен родства» (2001) Г.В. Дзибель довольно часто ссылается на мои более ранние работы, причем не в качестве отрицательного примера, а в качестве источника некоторых важных для него (хотя не всегда вполне сочетающихся с его собственными взглядами) теоретических положений.

Вот еще один интересный момент. «Уместен вопрос, — пишет А.А. Бурыкин, — на который мы не находим ответа ни у Л.Г. Моргана, ни у его многочисленных последователей, в том числе и у П.Л. Белкова: *что* является критерием системы родства? Многозначность слов-терминов родства, лежащая в основе типов систем родства начиная с Л.Г. Моргана? Но это фантастика. Никто из этнографов, интересующихся материальной культурой, не будет заниматься типологией “системы” горшков или ножей, разбирая разные значения слова “горшок” или “нож” в разных языках. Отношения между словами *горшок*, *крынка*, *гличик*, *махотка*, *макитра* и т.п., а равно *нож*, *тесак*, *резак*, *секач*, *мачете* — это те же лексические структуры, что термины родства, только здесь неуместен сам вопрос, кто кем кому приходится, кто от кого происходит, кто от кого зависит. Если во времена Моргана не проводилось различий между системами родства и системами терминов родства, то беспредметно отрицать их, апеллируя к Моргану, так же как довольно таки наивно представлять историю родства, апеллируя к Моргану или Энгельсу» (С. 343). Для начала позволю себе одно небольшое замечание относительно уместности вопроса «кто кем кому приходится». Обозначения в языке предметов материальной культуры, как и обозначения любых других явлений, — это *совершенно* те же лексические структуры, что и термины родства. Во всех науках, и «точных», и «описательных», классификации строятся по образцу филогенетического дерева. Все сферы культуры буквально пронизаны понятиями родства. Исследователи фольклора хорошо знают, что перекодировки типа термины родства / термины материальной культуры — довольно распространенное явление.

В целом ситуация с высказываниями А.А. Бурыкина действительно складывается фантастическая. Так, в рассматриваемом отрывке он приписывает мне взгляды Г.В. Дзибеля (и отчасти свои), а затем опровергает их (кстати, вполне наглядно)

и призывает меня следовать тезису о различении понятий систем родства и систем терминов родства — тезису, который является основным мотивом моей статьи.

Теперь относительно вопроса, ответ на который А.А. Бурыкин не находит «ни у Л.Г. Моргана, ни у П.Л. Белкова». Что является «критерием системы родства» или, в переводе на общедоступный язык, что такое *система родства как предмет исследования этнографии*? «Как известно, — пишет А.А. Бурыкин, — феномен родства многолик, и специалисты по этнографии аборигенов Австралии знают, что кроме кровного родства, изображаемого системой терминов родства, есть более значимое социальное родство и есть тотемическое родство — об этом пишет и сам П.Л. Белков» (С. 345). Понятие тотемического (несколько шире — мифологического, локального) родства было введено «самим П.Л. Белковым» (см.: [Дзибель 2001: 104; Попов 2004: 208]. Данная концепция не предполагает противопоставления социального (классификационного) и кровного (генеалогического) родства. Тем более не соответствует реальному положению дел (даже с точки зрения «алгебры родства») утверждение, что в рамках первичной формации система терминов родства «изображает» кровное родство.

Несколькими строками выше А.А. Бурыкин заявляет следующее: «Не понятно, на каком основании П.Л. Белков считает порочным изучение отношений родства в направлении от систем терминов к системам родства и адресует обвинение в таком подходе В.А. Попову. <...> В принципе такой подход вполне логичен и имеет более широкое распространение, чем что-либо иное — например, описание отношений родства как системы четко противопоставленных и разграниченных ролей. В практике нам известно, что по стреляной гильзе и пуле можно определить оружие, из которого был произведен выстрел, но можно и специально отстреливать оружие, чтобы зафиксировать заранее его индивидуальные особенности по следам, оставленным на пулях и гильзах» (С. 343). Следуя разъяснениям А.А. Бурыкина, метод «алгебры родства» (теперь его можно называть методом «стреляной гильзы») состоит в том, чтобы при изучении этнографической литературы по системам родства выписывать только термины родства, оставляя за рамками рассмотрения весь остальной материал (как правило, десятки страниц); а затем, закрыв книгу, с помощью списка терминов родства «определять» то, что черным по белому написано в той же статье или главе.

В том, что касается моих непростых отношений с Л.Г. Морганом, мне как автору рецензируемой статьи (следовательно, лицу заинтересованному) было бы очень желательно, чтобы

А.А. Бурькин лучше согласовывал собственные высказывания. Нельзя же в одном и том же тексте сначала громко заявлять, что труды Л.Г. Моргана составляют «фундамент» для изучения феномена родства, а затем сетовать по поводу «наивности» апелляций к Л.Г. Моргану. К сожалению, А.А. Бурькин не пожелал указать, в чем именно состоит вклад Л.Г. Моргана и в чем он ошибался.

Разумеется, из самого текста моей статьи должно быть ясно, что я принадлежу к числу последователей Л.Г. Моргана. На мой взгляд, его труды потому и представляют собой начала изучения систем родства, что в них заключена идея эволюции от классификационных к описательным, или линейным, системам родства (то, что это разделение основано на различных отношениях собственности, — общеизвестный факт).

Профессиональные этнографы по определению являются «многочисленными последователями Л.Г. Моргана», подобно тому как профессиональным лингвистам естественно быть сторонниками идей Фердинанда де Соссюра. Всячески подчеркиваемая А.А. Бурькиным непринадлежность к последователям Л.Г. Моргана (а также к последователям Коперника, Эйнштейна, Менделя, Лобачевского, Пирогова и пр.) означает лишь то, что по своему образованию он, вероятно, является специалистом в области изучения языков.

Безусловно, Г.В. Дзибель тоже является последователем Л.Г. Моргана, когда речь идет о разграничении двух больших категорий родства. Однако, как и другие «алгебраисты», он пытается свести это различие к языковой форме. Следовательно, не выступая против положений Л.Г. Моргана открыто, он стирает границы между классификационными и линейными системами. В работах исследователей этого круга происходит подмена понятий: вместо типологии *систем родства* разрабатывается типология *систем терминов родства*. Как мне кажется, все это достаточно ясно изложено в моей статье.

Можно предположить, что стремление А.А. Бурькина причислить меня к апологетам Л.Г. Моргана проистекает из явно неудачного толкования одной моей фразы. А.А. Бурькин утверждает, что мое суждение «исследователи, занимающиеся системами родства, уже давно отказались от эволюционного подхода, предпочитая говорить не об эволюции систем родства, а о “трансформации СТР”» некорректно (С. 344). «Что, собственно, плохого, — спрашивает он, — если трансформации системы терминов родства с высочайшей точностью отслеживаются по письменным формам языков и с несколько меньшей точностью — по данным этимологического анализа, а эволюция систем родства до сих пор оказывается предположительно

располагаемой в интервале от промискуитета до церковного брака?» (С. 344). В этой фразе содержится целый ряд высказываний, из которых видно прежде всего то, что А.А. Бурыкин вообще не считает этнографию наукой, во всяком случае наукой, имеющей развитый понятийный аппарат. Со своей стороны я считаю, что лингвистика, безусловно, является самостоятельной наукой, требующей специального образования.

Однако лингвистические методы исследования письменных источников позволяют проводить лишь *количественное* различие между отдельными фазами развития систем родства, причем только в отношении терминов родства, т.е. *лингвистических единиц*. Вот почему не П.А. Лавровский, а Л.Г. Морган открыл классификационные системы родства, хотя первый из них держал в руках источники, свидетельствующие, что древнерусская система родства по своей структуре была классификационной, т.е. качественно отличной от современной системы родства, сложившейся в средние века. Как филолог, П.А. Лавровский не мог это заметить, несмотря на то что на несколько лет опередил Л.Г. Моргана, опубликовав идею связи между системами родства и формами собственности (от рода к государству) [Лавровский 2005: 94–99]. Речь идет о различии предметов исследования. В этом главная причина необходимости осознанного противопоставления понятий эволюции систем родства и трансформации систем терминов родства. Эволюция систем родства состоит в качественном переходе от классификационных систем родства к линейным системам родства. Разумеется, эволюционный процесс сопровождается трансформацией систем терминов родства, которая сама по себе не содержит критерий различия двух эволюционных стадий. Термин «трансформация» я также применяю в тех случаях, когда речь идет о типах, объективно выделяющихся внутри систем классификационного родства.

Как пишет А.А. Бурыкин, «было бы неверным утверждать, что описание терминов родства является решением собственно лингвистической задачи и дистанцирует объект исследования от этнографии» (С. 341). Но как вообще возможно ставить лингвистические задачи, связанные с изучением фонетического развития терминов родства, не «дистанцируясь» (т.е. не абстрагируясь) от предмета исследования других наук, в частности этнографии, и как тогда относиться к обвинениям в дилетантизме, адресованным лингвистами этнографам (конкретно Г.В. Дзибелю), пытающимся самостоятельно проводить лингвистический анализ терминов родства? По-видимому, лингвист А.А. Бурыкин не согласен в этом с лингвистами А.В. Дыбо и С.В. Кулландой. Тогда почему он спорит с ними таким слож-

ным образом, направляя свои замечания в адрес этнографа, со своей стороны поддерживающего их позицию?

Несколько ранее (С. 337) А.А. Бурыкин, якобы читая мой текст, приписывал лично мне «стремление описать эволюцию систем родства в виде постепенного перехода от промискуитета к многоамной семье» в качестве доказательства моей научной несостоятельности. Теперь же выясняется, что это общее состояние исследований систем родства, когда «эволюция систем родства до сих пор оказывается предположительно располагаемой в интервале от промискуитета до церковного брака». Взвываясь защищать Г.В. Дзибеля (а Г.В. Дзибель говорит лишь то, что *мог бы* или *хотел бы* сказать В.А. Попов, если бы обладал его обширной эрудицией в области лингвистики и философии науки), А.А. Бурыкин принимается уничтожать его, а вместе с ним и всю «алгебру родства». К этому ряду относится еще одно высказывание А.А. Бурыкина: «Что же касается истории систем родства [т.е. «алгебры родства». — П.Б.], то она, на наш взгляд, прочно завязла в разнообразных — как субъективных, так и конъюнктурных [sic!] с философской и идеологической точек зрения — концепциях истории человеческого общества, и в этой области прогресс пока заставляет себя ждать» (С. 336).

«Новаторская» гипотеза о существовании «третьего глобального типа систем родства», или ойкуменического родства Г.В. Дзибеля (предшествующего классификационному родству) [Дзибель 2001: 103–104], по своему рисунку представляет собой не что иное, как повторение наиболее одиозного элемента концепции Л.Г. Моргана, связывавшего начальные стадии развития семьи с понятиями «промискуитет», «кровнородственная семья» и «семья пуналуа» в результате ошибочной интерпретации некоторых данных по терминологиям классификационных систем родства — интерпретации, кстати говоря, основанной на изучении отношений родства в направлении «от систем терминов к системам родства». Выдвигая свою концепцию «третьего» родства, Г.В. Дзибель следует стандартам постановки и решения проблем, характерным именно для апологетов эволюционизма, когда любое этнографическое исследование сводится к поиску новых «стадий», и только их «обнаружение» считается значимым научным результатом.

Одним из таких эволюционистских (псевдоэволюционных) лозунгов является тезис о системах терминов родства как «источнике информации для реконструкции процесса развития общества» [Попов 1990: 146–147]. Терминологии родства являются источником информации о современных им системах родства как одном из институтов данного общества. В противном случае они бы просто не работали. Вероятно, из

конкретной терминологии можно извлечь информацию о прошлых состояниях самой терминологии родства, но тогда мы либо узнаем, что система родства типа карадьери или аранда возникла из системы карьера (а этот переход никак не связан со стадиальными изменениями общества), либо узнаем, что современной линейной системе родства русских предшествовала классификационная система родства древнерусского общества, причем последнее можно легко почерпнуть из письменных источников.

В своем обзоре новейших течений в изучении систем родства В.А. Попов отождествил мною концепцию локального (тотемического, мифологического) родства с концепцией ойкуменического родства Г.В. Дзибеля [Попов 2004: 208]. Действительно, термин «ойкуменическое родство» фактически является греческой калькой термина «локальное родство». Однако я категорически не имел в виду реконструкцию какой-то «древнейшей» стадии эволюции, указывая исключительно на реалии родственных отношений в современном для этнографии традиционном австралийском обществе. Концепция локального родства — это концепция сущности классификационного (а не «доклассификационного») родства, состоящая в том, что аборигены Австралии ведут счет родства от некоторого локуса, священного тотемического центра, считающегося местом обитания определенного мифического первопредка [Белков 1999: 68, 72–73; Белков 2000: 57]. В последующих моих работах формулировки уточнялись именно в этом направлении.

К сказанному можно добавить, что в отличие от систем (точнее, словарей) терминов родства системы родства безразличны к языковым границам, поэтому они и поддаются табуляции. В создании какой-то особой типологии систем терминов родства нет необходимости в принципе, поскольку она неизбежно совпадет с существующей типологией языков. Если считать, что такая особая типология вопреки всем логическим правилам все-таки создана где-то на страницах работ В.А. Попова или Г.В. Дзибеля, то придется признать, что законы развития терминологий родства отличаются от законов развития естественного языка, частью которого они являются. Здесь слово за лингвистами.

Еще раз подчеркну, что моя статья посвящена конкретному вопросу — выделению типов классификационного родства на основе метода диаграмм А.Р. Рэдклифф-Брауна [Radcliffe-Brown 1913; Radcliffe-Brown 1918; Radcliffe-Brown 1930]. При этом я основываюсь на утверждении, что метод А.Р. Рэдклифф-Брауна позволяет четко различать понятия «система родства» и «система терминов родства» («терминология родства»),

т.е. является как раз тем методом, который А.А. Бурькин именует «критерием системы родства». Следуя манере опровергать самого себя, он сначала заявляет, что вообще не находит в моей статье ответа на этот вопрос (см. выше), а затем — что ответ есть, только ответ с его точки зрения неправильный. Цитирую с удовольствием: «П.Л. Белков совершенно прав в следующем: “Связывая системы терминов родства с формами социальной организации, мы делаем объектом исследования именно системы родства. Но как это сделать не только декларативным образом? Ответ заключается в графически правильном изображении системы родства, в данном случае классификационной. Иначе говоря, чтобы связь между терминами родства и элементами социальной организации была видна на соответствующей диаграмме” [Белков 2010б: 5]. Однако, как мы уже отмечали, мы очень мало знаем о вариативности систем родства в чисто социальных аспектах и о дифференцированности, прежде всего об оппозитивной дифференцированности систем родства, которые могли бы быть представлены графическим способом. Графика — это только техника представления каких-то отношений. Как можно что-то изображать, не зная сущности этих самых отношений?» (С. 345).

Естественно, будучи профессиональным лингвистом, А.А. Бурькин очень мало знает о «вариативности» или «дифференцированности» систем родства. Здесь также необходимо дать другое пояснение. Графические, или геометрические, схемы родства этнографами не используются (или очень мало используются) только на страницах «Алгебры родства», а лингвистам, исследующим термины родства как термины языка, они, разумеется, вообще не нужны. Наконец, общее утверждение «графика — это только техника представления каких-то отношений», возможно, совпадает с точкой зрения В.А. Попова (не уверен, что так же думает, например, Г.В. Дзибель), но идет вразрез с наукой в целом, активно применяющей диаграмматику в качестве метода анализа явлений окружающего мира.

Результаты собственных разысканий А.А. Бурькина в области систем родства (по принципу «от терминов к системам родства») по меньшей мере необычны. Опираясь на книгу исследователя Тувы Ф.Я. Кона, А.А. Бурькин с серьезным видом рассуждает о том, что феномен скашивания терминов в системах кроу/омаха «с чисто теоретической точки зрения мог бы отвечать ситуации брака отца и дочери [именно как “вариации брачных норм”. — П.Б.]. Самое любопытное в этом плане, — продолжает он, — свидетельства о том, что брак между отцом и дочерью был допустим у тувинцев еще в XIX в., отмеченные в этнографических источниках, в частности в описаниях

путешествий Ф.Я. Кона по Туве и Саянам» (С. 347). Здесь он адаптирует к ситуации собственный текст. Ссылка дается на статью, написанную совместно с Т.Г. Басанговой и А.М. Решетовым и опубликованную в электронном журнале «Новые исследования Тувы» (2010, № 2). Но в указанном месте мы находим нечто совершенно противоположное тому, о чем сообщает А.А. Бурыкин в настоящий момент, а именно: в книге Ф.Я. Кона «За пятьдесят лет» (М., 1936) «отмечается, что сведения о возможности брака отца и дочери, содержащиеся в более ранних источниках, впрямую не подтверждаются». Иначе говоря, данные сведения относятся к разряду сообщений о людях с песьими головами.

Для того чтобы принять возможность нормативного брака отца с дочерью, необходимы по крайней мере две вещи. Во-первых, ограничить изучение систем родства методом «от систем терминов к системам родства», во-вторых, «вспомнить», как это делает А.А. Бурыкин, термины «брат» и «сестра» в отношении членов монашеских сообществ, когда тут же «становится очевидным, что любое внешнее родство является производным от биологического родства» (С. 345). В рамках теории классификационного родства случаи брака с «дочерью» описаны неоднократно и объясняются тем, что в некоторых системах родная дочь Эго попадает в ту же классификационную категорию (под один и тот же термин), что и дочь дочери брата матери (родная или классификационная), а в некоторых культурах брак с «дочерью дочери брата матери» считался не только альтернативным, но даже престижным.

Развивая свои идеи относительно слабости моей общей теоретической подготовки и недостаточности эмпирических знаний для занятий этнографией, А.А. Бурыкин указывает, что у меня, хотя и в меньшей мере, чем у моих незадачливых предшественников (Л.Г. Моргана, Б. Малиновского, А.Р. Рэдклифф-Брауна, А.П. Элькина), «отчетливо просматривается интерес к вечной проблеме систем родства — нормам выбора брачного партнера, предпочтениям и запретам на выбор брачного партнера» (С. 345). Причем, как он заключает, «вслед за специалистами по этнографии Австралии» системой родства я называю (!) «систему заключения браков» (С. 346). Все дело в том, что сами носители традиционной культуры проявляют отчетливый интерес к нормам выбора брачного партнера. Как это видно из приведенной А.А. Бурыкиным цитаты, речь идет о трех системах родства, соответствующих трем формам предпочтительных браков: тип карьера, тип аранда и тип карадьери. Эта типология объясняется известным принципом тождества отношений родства и свойства, наряду с принципом эквивалентности сиблингов, лежащим в основе классификационных систем

родства. Совершенно очевидно, что я следую за специалистами по этнографии Австралии. Было бы очень странно, если бы мне пришлось, рассматривая австралийские материалы, следовать за специалистами по эвенкийскому языку (при всем уважении к этой отрасли языкознания). Именно от «специалистов по этнографии Австралии» Дж. Гибсона и Б. Спенсера, А.Р. Рэдклифф-Брауна, А.П. Элькина, Рональда и Кэтрин Берндтов и многих других, десятилетиями проводивших полевые исследования среди аборигенов Австралии, я набрался еретических идей о том, что у аборигенов Австралии повсеместно существовали предпочтительные формы брака. Видимо, они как-то не так проводили исследования и встречались не с теми аборигенами. А.А. Бурькин обладает на этот счет иной информацией. «Главная проблема тут, — пишет он, — заключается в том, что ни в одной из известных нам [!] систем родства мы не находим действующих прескриптивных правил, которые определяли бы нормы брака — во всех случаях эти правила имеют характер преференций» (С. 346). С терминологией у австралийских исследователей, видимо, тоже было не все в порядке. Например, они не знали, насколько важным является различие между понятиями «прескрипция» и «предпочтение».

В своих рассуждениях о формах брака А.А. Бурькин совершенно справедливо показывает меня сторонником определения систем родства (а не систем терминов родства), которые определяются по предпочтительной форме брака («нормам брачных преференций») (С. 346). Возьмем пример из книги М.В. Крюкова: «Ряд сторонников Моргана, стремясь доказать тезис о взаимосвязи терминологии родства и форм брака, пошли по ошибочному пути, пытаясь найти объяснение, например, таким особенностям систем родства, как существование общих терминов для лиц различных поколений в так называемых аномальных формах брака. В частности, тот факт, что в системах некоторых народов Океании дед и внук обозначались одним термином, явился основанием для утверждения, будто некогда у этих народов существовал обычай брать в жены своих внучек и правнучек» [Крюков 1972: 45]. Во-первых, предпочтительные формы брака потому так и называются, что не считаются аномальными. Во-вторых, сам обычай брать в жены женщину из второго или третьего нисходящего поколения — четко зафиксированный этнографический факт. Например, система родства народа алуриды (Южная Австралия) допускает брак мужчины с «дочерью дочери дочери брата матери», при условии что ее мать не замужем за его собственным сыном. Это так называемая альтернативная форма брака, притом что предпочтительным в данном случае является брак с женщиной своего

поколения, кросскузиной второй степени, стоящей в отношении «дочь сына брата матери матери» или «дочь дочери брата матери отца» [Elkin 1956: 73]. Разумеется, надо учитывать, что аборигены Австралии четко разделяют «близких» и «дальних», «своих» и «чужих», родных и классификационных родственников, пользуясь этим различием при подборе брачного партнера. Наконец классификационные «внучки» вполне могут быть того же возраста, что и сам мужчина, а «тещи» — младше него.

В тех случаях, когда А.А. Бурькин выступает от имени лингвистики, я предпочел бы скорее соглашаться с ним, чем спорить. Однако это не всегда получается. Так, он указывает на то, что в моей работе простые (элементарные) термины родства «отец», «мать», «сын», «дочь» и др. противопоставляются составным терминам «двоюродный брат», «правнук», которые раскладываются на элементарные с помощью так называемых описательных терминов «брат отца», «брат матери» и т.п. «Тут не сразу можно догадаться, — пишет А.А. Бурькин, — что автор называет составными терминами не многокомпонентные наименования типа “шуринов племянник”, а наименования сложнокомпонентные с точки зрения лексической семантики, или, чтобы было более понятно, наименования, которые имеют описательные синонимы» (С. 342). Судя по этой фразе, у нас разные представления о понятности. Кроме того, я рассчитывал не на догадливость читателя, а на его знакомство с книгой М.В. Крюкова «Система родства китайцев», где даются номинальные определения выражений «элементарные термины», «составные термины» и «описательные термины» [Крюков 1972: 33–34]. Вопреки утверждению А.А. Бурькина, речь в моей статье идет не о том, что Л.Г. Морган придумал описательные термины, а о том, что он фактически использовал их в качестве языка описания систем родства, тем самым найдя решение задачи, паллиативом которого является применение буквенного кода Ю.И. Левина.

В тех работах, где А.А. Бурькин выступает только от имени лингвистики, он высказывает положения, ничем не отличающиеся от положений, которые лежат в основе моей статьи: изучая системы терминов родства, этнографы (этнологи) попросту занимаются не своим делом. Так, он говорит о том, что в наши дни этнологам нужно либо отказаться от представлений о классификационных системах родства, либо наполнить это понятие другим содержанием. Или о том, что исследователи, будь то этнологи или языковеды, изучая системы родства по материалам систем терминов родства, на самом деле описывают факты языка, а не социума (т.е. систем родства как таковых. — П.Б.) [Бурькин 2000: 66, 75]. В связи с этим им выносится вердикт: строго научное описание систем родства не

должно ориентироваться на терминологию [Бурыкин 2000: 75]. По мнению автора, неконструктивный характер различных дискуссий на страницах альманаха «Алгебра родства» обусловлен именно тем, что его участники представляют разные научные дисциплины — языкознание и этнографию [Бурыкин 2009: 38].

Возникает вопрос: как А.А. Бурыкину удастся, оставаясь на одной и той же позиции, критиковать Г.В. Дзибеля за то, что тот смешивает предметные области этнографии и языкознания, а П.Л. Белкова — за то, что тот требует соблюдать границы между этими отраслями знания? Впрочем, при ближайшем рассмотрении оказывается, что противоречие здесь только кажущееся. В первом случае строится оборонительная линия против дилетантских вылазок этнографов в лингвистику, во втором — организуется миссионерский поход в область этнографии. На мой взгляд, в отклике А.А. Бурыкина вполне отчетливо выражено искреннее удивление самим фактом существования этнографии как самостоятельной дисциплины. По его словам, то, что сам Л.Г. Морган считал изучением систем родства, на самом деле является описанием систем терминов родства (С. 342). Иначе говоря, этнография — это недоразвитая лингвистика.

Однако постепенно начинаешь понимать, что все это мелочи и что содержание его собственного текста для А.А. Бурыкина не имеет первостепенного значения. Важна внутренняя энергетика, чтобы в заключении перейти, если так можно выразиться, к служебной характеристике. Диапазон очень широкий: от «архаизации научных представлений» («марксизма-морганизма», т.е. в недавние времена «антимарксизма») до «концептуального авангарда», выражающегося в использовании диаграмм (С. 350). Геометрические схемы систем родства напоминают А.А. Бурыкину абстрактное искусство, поскольку ему приходится «все время догадываться, какое именно значение можно приписать тем или иным цветовым образам или трехмерным структурным элементам» (С. 350). К сожалению, такая природа любого научного языка, ориентированного на знание, а не на догадку пользователей.

3. Там, где лингвист А.А. Бурыкин буквально читает мои мысли, улавливая за каждым моим словом грандиозную метафизическую проблему, этнограф В.А. Попов выбирает противоположную тактику — исправление многочисленных терминологических «погрешностей». Конечно, наука — сложный организм в том плане, что в инструментарий ученого должны входить не только методы решения задач, но и методы их обоснования с точки зрения общей значимости полученного

результата. Приходится и нападать, и защищаться. Поэтому не бывает антинаучных концепций, бывают своеобразные методы борьбы с оппонентами в плане академической этики. Только в последнем случае «пометки на полях» в чужой работе могут показаться очень действенным средством борьбы с оппонентом. Той же цели отвлечения внимания от предлагаемой темы служат заведомо ложные утверждения об «обилии противоречий», «искаженных цитатах», «тавтологических суждениях» и пр. (С. 359).

Относительно «искажений цитат» можно подчеркнуть, что мною приводятся соответствующие *высказывания*. В логике принято отличать понятие высказывания, т.е. мысленного образования, от понятия предложения («цитаты»), т.е. языковой формы высказывания. Как известно, одно и то же высказывание может быть выражено в форме различных предложений при сохранении смысла данного высказывания.

В сущности общий смысл текста В.А. Попова укладывается в одну его фразу или даже часть фразы. Выражаясь его словами, в своем отклике он «постарался уклониться от участия в дискуссии из-за ряда экстранаучных соображений» (С. 352). Мне все-таки кажется, что научная критика — это поиск рационального зерна в комментируемой концепции, а не подыскивание любого формального предлога к тому, чтобы поскорее избавиться от нее как от досадной помехи при написании собственных текстов.

Вполне закономерно, что оценки В.А. Попова касаются только формы (по формуле «стрижено — брито»). Любые вопросы, связанные с содержанием, обходятся им самым аккуратным образом. Причем скрупулезность его схоластических поправок такого (да еще при наличии специальной таблицы, по форме очень напоминающей ведомости неисполненных указов начала эпохи Николая I), что любой читатель оказывается в состоянии самостоятельно сопоставить их с моими текстами. Остановлюсь только на одном, поскольку оно может ввести в заблуждение студентов-этнографов. Так, В.А. Попов полагает, что Л.Г. Морган «не подозревал» о существовании первичной и вторичной формации (С. 354). Если это действительно так, непонятно, почему Л.Г. Морган до сих пор считался эволюционистом. Как известно, Л.Г. Морган специально ввел понятия социальной и политической организации, классификационного и описательного родства. Уже из этого следует, что он не просто «подозревал» о существовании двух основных формаций, но вполне сознательно наметил основные критерии такого разделения. Разумеется, для их обозначения он пользовался другим термином — «этнические периоды» [Morgan 1907: 6–9].

Обструкция, вероятно, тем и отличается от добросовестной критики, что обсуждению подвергается не сам текст, а его приблизительная копия, приспособленная к целям уничтожения оппонента. «Определение, — пишет В.А. Попов, — вторичных систем родства как относящихся к линейному типу также неверно [Белков 2010: 2], ибо все наоборот: это линейный тип систем терминов родства является (наряду с генерационным и бифуркативно-линейным) планом выражения вторичных систем родства» (С. 358). Но какое мне дело до терминологических тонкостей в рамках типологии, которую я считаю бессмысленной? Здесь помимо прочего В.А. Попов, кажется, пал жертвой собственного терминотворчества. Во-первых, никаких фраз с определением «вторичных систем родства как относящихся к линейному типу» в моей статье быть не может, поскольку термины «вторичные системы родства» и «линейный тип родства» обозначают одно и то же понятие, акцентируя внимание на диахроническом и синхроническом аспектах данного явления. Во-вторых, выражения «вторичные системы родства относятся к линейному типу» и «линейный тип систем терминов родства является планом выражения вторичных систем родства» не находятся в отношении «все наоборот», т.е. в отношении контрарности. Контрарным, следовательно «неверным», по отношению к высказыванию В.А. Попова «линейные, бифуркативно-линейные и генерационные *системы терминов родства* являются планом выражения вторичных систем родства» следует считать высказывание М.В. Крюкова «бифуркативно-слившийся (бифуркативный), бифуркативно-коллатеральный (бифуркативно-линейный) и генерационный типы *систем родства* не являются линейными» [Крюков 1995: 135–136].

Вероятно, В.А. Попов имеет в виду, что в своих формулировках я не придаю должного значения разделению «план выражения — план содержания». Для меня это вполне естественно, поскольку термины «план выражения» и «план содержания» отражают лингвистические понятия, которые не имеют ничего общего с противопоставлением языка и эмпирической реальности. В дальнейшем В.А. Попову следовало бы воздерживаться от заимствования в других науках терминов, ориентируясь только на их звуковой облик.

В статье В.А. Попова упоминаются авторы, которые «не подозревают о существовании этнографической традиции изучения феномена родства» (С. 362). Скорее всего, это замечание относится к его собственным работам. С помощью метода В.А. Попова, именуемого «компонентным анализом», получить какую-либо полезную этнографическую информацию невозможно в принципе, поскольку этот метод является механическим

перенесением в этнографию исследовательских процедур, применяемых в лингвистике. В этом смысле «алгебра родства» — ложно понятая лингвистика.

Некоторые рекомендации В.А. Попова, касающиеся теории развития науки как таковой, вызывают еще бóльшие возражения. Высказываясь по поводу моих взглядов на цели создания идеальных моделей родства, он даже пытается как-то помочь мне точнее их сформулировать. «Вполне возможно, — пишет он, — автор имел в виду, что с помощью такой модели можно интерпретировать факты, а не она сама предсказывает эмпирические факты» (С. 362). Между тем, давно стало общим местом, что эвристическая ценность теории определяется по ее способности продуцировать эмпирические факты. Если бы роль научной теории ограничивалась интерпретацией фактов (В.А. Попов, по-видимому, знает только одну форму интерпретации — обобщение, что само по себе тоже неверно), наука до сих пор придерживалась бы теории вращения Солнца вокруг Земли.

История изучения систем родства — это не история накопления ученых слов. Терминология В.А. Попова основана на неверном понимании значений терминов «эволюция» и «бифуркация». По всей видимости, он предполагает взаимное исключение упомянутых понятий, связывая понятие бифуркации с понятием так называемой многолинейной эволюции и синхронно-диахронного метода. Здесь следовало бы знать, что бифуркация входит в понятие *эволюционного события* в обычном смысле слова. Вводя понятия «линейность» и «бифуркация», В.А. Попов не отличает номинальные определения от реальных. Об этом свидетельствуют его упреки в «некорректности» использования (или неиспользования) его «специальной терминологии», щедро адресуемые всем, кто отказывается работать согласно постулатам «бифуркативно-линейной» концепции. В.Ф. Выдрин обвиняет в том, что тот «свойственников» называет «родственниками через брак», «мужского сиблинга породительницы» — «дядей по материнской линии», а «матрилатератов» — «родственниками по материнской линии»; П.Л. Белкова — в том, что тот «структурные принципы» В.А. Попова («бифуркативность», «линейность», «генерационность») называет «признаками» и т.п. (С. 363, сноска 1). В статье В.А. Попова приводятся и некоторые другие примеры, означающие, по его мнению, что те или иные авторы «не владеют» терминологией, именуемой им «специальной». Эта терминология действительно имеет *специальный* характер номинальных определений. Поэтому-то она не обязательна ни для кого, кроме, разумеется, самого «породителя» терминов. Например, используя (для краткости) термин «матрилатерат»,

В.А. Попов лишь предупреждает читателя, что в своих текстах под этим термином он будет подразумевать то, что другие называют родственником по материнской линии.

Вместе с тем отклик на мою статью для В.А. Попова является несомненным научным достижением, поскольку методом бриколажа он впервые за много десятилетий в более или менее развернутом виде описал собственные представления. В рамках известной дилеммы индуктивизма В.А. Попов в изучении систем родства явно склонен к отказу от решения проблемы обоснования знания и поиску тех проблем, которые разрешимы наличными средствами. Возрастающие терминологические противоречия сами по себе становятся проблемой, которую можно «решать» до бесконечности — по возможности без обращения к самой этнографической реальности.

Именно в связи с этим непонятым отвращением к этнографическому материалу В.А. Попов предлагает развести синонимичные понятия «номенклатура родства» и «система терминов родства». Его рассуждения на эту тему — чистая софистика, основанная на семантическом смещении. Системы родства как таковые остаются предметом исследования только на словах, поскольку на деле разделение «системы терминов родства — системы родства» подменяется разделением «номенклатуры родства — системы терминов родства». Отсюда возникают псевдотеоретические высказывания вроде: «СТР относится к лингвистике в большей мере, чем считается этнографами, а к этнографии — в большей мере, чем это представляется лингвистам» [Попов 1998: 141].

Как сказал Гете, если нет идеи, всегда можно выдумать какое-нибудь слово. С этой точки зрения основной недостаток «алгебры родства» (на примере Г.В. Дзибеля) очень точно указал Н.А. Добронравин. «Несомненно, — пишет он, — неотъемлемым правом исследователя является употребление тех или иных терминов и создание новой терминологии. В то же время, иногда оперирование новыми или не получившими широкое распространение терминами приводит к крайне неприятному результату. Творец или “собственник” таких наименований может быть вполне удовлетворен своим понятийным аппаратом. Однако для ученых, работающих в смежных областях знания, подобный текст иногда превращается в эзотерический» [Добронравин 2000: 58].

Если в сложившихся обстоятельствах появляется альтернативная концепция, предлагающая постановку задач в содержательной области, для исследователей «плана выражения» неизбежно возникает проблема чисто социального характера.

Речь идет об инстинкте самосохранения научного направления, функционирование которого связано с тематическими стандартами научных конференций, периодических изданий, курсов лекций и диссертационных сочинений на соискание ученых степеней. Что считать научным текстом, а что не считать — вот в чем вопрос. Именно с такой социологической стороной научной деятельности пришлось столкнуться В.А. Попову как лидеру особого научного сообщества или, лучше сказать, клуба исследователей явлений родства. О.Ю. Артемова называет это сообщество «ленинградской школой африканистов» (весьма неосторожно причислив к этой школе и меня) [Артемова 2009: 116].

В той, безусловно, сложной (с научно-философской точки зрения) ситуации, в которой оказался В.А. Попов, все средства хороши, в том числе заявления о полном непонимании оппонента. Так, В.А. Попов утверждает, что ему непонятны мои термины и диаграммы, что «автору надо было бы рассказать, как он к этим результатам пришел» (С. 353). Разговор о необходимости подробных легенд к цветным диаграммам «с объяснением каждой позиции» и о том, что черно-белые диаграммы «глухие», т.е. совершенно нечитаемы, мне кажется несколько странным. Моя статья обращена как к коллегам, которые, возможно, впервые вплотную сталкиваются с темой классификационных систем родства, так и к коллегам, специализирующимся в этой области исследования. Первым я хотел показать, что данные по системам родства могут быть формализованы более простым и наглядным способом, чем это делается на страницах «Алгебры родства». Вторым я хотел показать, что возможности графического метода как способа анализа практически не изучены, несмотря на очевидную перспективность этого направления. Именно вторые должны были меня понять с полуслова (во всяком случае так я наивно полагал). Для специалистов на самих диаграммах и в сопряженных фрагментах текста статьи заложена достаточная информация, чтобы в них можно было легко разобраться.

Поскольку В.А. Попов практически никогда не занимался конкретными исследованиями в области изучения систем родства, ему, вероятно, действительно трудно работать с графическими схемами. Но заявление о невозможности понять представленные мною схемы удивительно тем, что таблицы, составленные по методу А.Р. Рэдклифф-Брауна, взяты мною у А.П. Элькина, следовательно, должны быть хотя бы визуально знакомы В.А. Попову по книге О.Ю. Артемовой «Колено Исава. Охотники, собиратели, рыболовы» (2009), ответственным редактором которой он является.

Предлагаемые мною варианты являются преобразованием таблиц А.Р. Рэдклифф-Брауна и А.П. Элькина, поэтому я не стал переносить с одних таблиц на другие символы всех позиций родства, чтобы не перегружать рисунки, обозначив лишь линии родства символами позиций родства второго восходящего поколения от Эго. На всех трех таблицах черный «кирпичик» занимает одну и ту же позицию нулевого поколения на линии FF («отца отца»). Нетрудно догадаться, что это символ Эго мужского пола, от которого можно рассчитать все другие позиции родства в данной системе, к тому же зная из таблиц А.П. Элькина, что вертикальные линии соединяют «отцов» и «детей», а горизонтальные линии — «мужей» и «жен». Единственное, что могло бы потребовать несколько больших умственных усилий, — диагональные линии, указывающие на связь «матерей и детей», так как в таблицах А.П. Элькина связь между родителями и детьми обозначается общей вертикальной линией. На таблицах, отображающих полинезийские системы родства, легенда вообще вписана в диаграмму в виде аббревиатур английских терминов. «Подробные объяснения» этих терминов можно найти в любом англо-русском словаре. Черно-белые диаграммы носят вспомогательный характер демонстрации возможностей преобразования графических схем; чтобы в них разобраться, достаточно сравнения с цветными схемами.

Продолжая срывать с меня маски, В.А. Попов пишет: «Возможно, был еще и расчет на то, что среди этнографов существует стереотипное представление, на грани мистического ужаса, что системы родства — это нечто запредельное для понимания, где-то на грани с высшей математикой, поэтому мало кто в этой абракадабре будет разбираться, и вчитываться никто не станет. Не исключено также, что и здесь применяется уже довольно распространенный прием (характерный прежде всего для работ, привлекающих математические методы) не столько разъяснения, сколько утращения читателя» (С. 353). В подтверждение своих слов В.А. Попов приводит цитату из статьи С.В. Соколовского: «Как будто избранная форма представления <...> была рассчитана на эффект подавления, а не убеждения, так сказать, *ad rorem* [Соколовский 2002: 31]» (С. 353).

Во-первых, «стереотипное представление», о котором пишет В.А. Попов, является его сугубо личным достижением, так как данное предубеждение сложилось явно не в последние несколько месяцев после выхода моей статьи, но исключительно под общим впечатлением от альманаха «Алгебра родства» и «алгебры родства» в целом. Во-вторых, моя статья не относится к числу

«устрашающих» работ, «привлекающих математические методы» (вообще странно слышать это как обвинение от редактора издания, именуемого «Алгеброй родства»). Конечно, счет родства по своей природе является топологической задачей, но я, к сожалению, еще слишком мало знаком с этой математической областью знания, чтобы возомнить, что могу со знанием дела пользоваться ее понятийным аппаратом. В-третьих, статья С.В. Соколовского, которой В.А. Попов отбивается от меня как первым попавшимся под руку тяжелым предметом, не имеет никакого отношения к теме моих построений, ибо направлена против применения количественных методов в этнографии, а именно метода факторного анализа (сложность применения которого обусловлена, как известно, субъективностью критериев выделения изучаемых факторов. — П.Б.) [Соколовский 2002: 31].

Более всего В.А. Попова «озадачивает» моя методология. В моей статье основной акцент делается на методе формализации. С этим связано использование диаграмм при анализе систем родства. Формализация — это объективирование результатов абстрагирующей деятельности в виде знаковых систем. Как известно, знаковая система как средство решения задач в содержательной области должна отвечать двум требованиям. Во-первых, она должна быть обозрима. Попросту говоря, сравниваемые явления в виде текстов, формул или графиков должны уместиться в сознании исследователя. Во-вторых, знаковая система должна быть изоморфна отображаемому явлению. С этой точки зрения знаковая система выступает по отношению к реальности в роли «симулякра» (если В.А. Попову так нравится это выражение). Суть дела в том, что, решая задачи в знаковой области, мы тем самым решаем задачи в некоторой содержательной области. В этом плане диаграммы, используемые мною в статье, соответствуют понятию формализации в узком смысле слова, а сама статья — понятию формализации в широком смысле слова. Цель статьи, конечно, не может состоять в исследовании каких-то конкретных задач, связанных с изучением отдельных систем родства. Ее цель — продемонстрировать непредвзятому читателю возможности предлагаемого метода. Метод А.Р. Рэдклифф-Брауна и есть подлинный компонентный анализ систем родства. Тот, кто возьмет в руки альманах «Алгебра родства», может легко сравнить данный метод с «компонентным анализом» В.А. Попова.

Впрочем, все, что только что в краткой форме было изложено относительно метода формализации и знаковых систем, — это учебник. Метод А.Р. Рэдклифф-Брауна отвечает двум упомянутым требованиям, метод В.А. Попова им явно противоречит. Никаких тезисов, которые могли бы рассматриваться

в качестве «принципиальных возражений» в отклике В.А. Попова также нет. Это не то что принципиальные возражения, но даже не возражения. В самом деле, нельзя же воспринимать как возражения нарочито недоуменные восклицания по поводу тех или иных высказываний оппонента. Мне кажется, здесь сказывается отсутствие настоящего опыта в ведении научных дискуссий. Все эти восклицания имеют обязательный характер только для единомышленников В.А. Попова, если они, конечно, существуют. Я же никогда не был единомышленником В.А. Попова в области теории. Может быть, хотя бы теперь В.А. Попов обратит внимание на тот факт, что, будучи «одним из самых активных авторов» издаваемого им альманаха (точности ради, это было десять лет тому назад), я старался сосредоточиваться на проблемах, при решении которых нет необходимости прибегать к тому, что он сам (теперь не знаю, насколько искренне) считает методом изучения систем родства.

В данной ситуации существует только один способ возражения — сопоставление достигнутых результатов. Если метод «рисования» систем родства В.А. Попова не устраивает, почему бы ему не продемонстрировать достижения в изучении систем родства посредством метода «алгебры родства» (кстати, где здесь алгебра?). К сожалению, единственным заметным результатом является сам факт придания наукообразной формы сведениям о некоторых терминологиях родства. Если нет никаких результатов, то по крайней мере можно договориться: считать результатом особый способ кодирования терминологий родства. Все остальное — это либо бесконечные рассуждения о «соотношении этнографического и лингвистического подходов к изучению родства» (можно подумать, что лингвистика и этнография только что возникли как самостоятельные науки), либо эмпирические исследования по отдельным вопросам, которые часто печатаются на страницах «Алгебры родства» лишь потому, что логин «родство» как бы зарегистрирован на имя В.А. Попова.

Среди прочих моих работ, нелестным образом упомянутых В.А. Поповым, фигурирует раздел книги «Этнос и мифология» (2009), посвященный методам изучения систем родства. В этом разделе предлагается графическое решение систем родства кроу/омаха, которые я отношу к типу карадьери, ориентируясь на разграничение линий (локалей) FFSrH и MF/FMB, т.е. линий, на которых должны находиться соответственно fsrd («дочь сестры отца») и mbd («дочь брата матери»). В системах типа карьера и аранда позиции родства fsrd и mbd не различаются. Мое обращение к этой теме обусловлено не в последнюю очередь давней статьей В.А. Попова «К исторической типологии

систем терминов родства: типы кроу и омаха», где он цитирует слова И.Р. Башлера и Х.А. Селби, видимо, полностью солидаризируясь с ними [Попов 1977: 47]. Американские исследователи выразили суть проблемы таким образом: «Решите системы кроу – омаха, и остальные системы окажутся простыми» [Buchler, Selby 1968: 276].

Вместо того чтобы возразить по существу предложенного мною решения, В.А. Попов, «суммируя самые общие впечатления» (от собственной таблицы), в первом пункте заблаговременно заявляет, что все мои публикации по системам родства написаны в «жанре тезисов, т.е. представляют собой набор самостоятельных фрагментов, которые как угодно можно менять местами, не нарушая авторской логики изложения» (С. 357). К счастью, моя книга, а также научные журналы, в которых помещены мои статьи на эту тему, пока еще не запрещены. Кто заинтересуется, сможет самостоятельно убедиться, являются ли мои высказывания столь скудными по содержанию и страдают ли отсутствием логики.

Приняв меры, нейтрализующие меня как автора, В.А. Попов полагает, что в дальнейшем можно вместо содержательных возражений цитировать отдельные фразы, сопровождая их преувеличенно хвалебными эпитетами. Наибольших похвал удостоились следующие мои высказывания: «суть дела заключается в том, чтобы правильно *нарисовать* “структуры родства”» и «достаточно взглянуть на рисунок, чтобы простым наблюдением решить задачи, неразрешимые в рамках парадигмы “алгебры родства”, или просто отбросить их как не имеющие реального смысла». Как пишет В.А. Попов, «другими словами им [П.Л. Белковым. — П.Б.] разработан поразительный по своей эффективности метод» (С. 361). Здесь мне остается только одно: скромно не отрицать своих заслуг. Еще раньше В.А. Попов делает мне не менее приятный комплимент (правда, слегка сдобренный уксусом «не более того»), признав, что цветные диаграммы смотрятся красиво (С. 353). Между тем графическая или логическая красота теории считается одним из критериев ее верифицированности.

В.А. Попов вправе принимать или не принимать мои предложения, но ему не следовало бы делать вид, что он встречается с ними впервые. Цитирую книгу Г.В. Дзибеля «Феномен родства» (2001), ответственным редактором которой был В.А. Попов: «Как справедливо заметил в личной беседе П.Л. Белков, злободневной является проблема визуального представления “структуры родства”, в которой “скосы” будут выглядеть не аномальными, а гармонично встроенными в “тело” родства и логично соотносимыми с семантическими трансформациями

на «горизонтальных» уровнях (поколениях) системы» [Дзибель 2001: 41].

Действительно, однажды я дал Г.В. Дзибелю что-то вроде подсказки: достаточно правильно нарисовать систему кроу/омаха и проблема может решиться сама собой. Диаграммы систем кроу и омаха, помещенные в моей книге «Этнос и мифология» (2009) можно считать ответом на вопрос В.А. Попова о том, «какие именно задачи так успешно решаются, но неразрешимы в рамках парадигмы “алгебры родства”» (С. 361). Однако, поскольку В.А. Попов столь предусмотрительно внес упомянутую книгу в список других моих публикаций, не дотягивающих до «уровня элементарной читабельности» (С. 352), он может с чистой совестью не замечать предложенного мною решения. Тем более что, по его словам, мои диаграммы не снабжены «подробной легендой». Вероятно, в пылу спора он не заметил, что «легендой» к моим диаграммам кроу и омаха (разумеется, с «объяснением каждой позиции»), вполне добросовестно служит выдержка из его собственной статьи (см.: [Белков 2009г: 262]).

Как показывает практика исследований, именно с использованием метода составления диаграмм родства А.Р. Рэдклифф-Брауна связаны наиболее существенные достижения в области исследований родства. В.А. Попов упорно игнорирует классические труды по этнографии родства, поэтому, рассматривая М.В. Крюкова в качестве своего единственного предшественника, он не видит, что основная часть книги М.В. Крюкова «Системы родства китайцев» (не исключено, что в эту часть книги он вообще не заглядывал) посвящена изучению системы родства древних китайцев по методу диаграмм родства А.Р. Рэдклифф-Брауна. Основная идея М.В. Крюкова состояла в доказательстве тождества структуры родства древних китайцев и фиджийцев, которая представляет собой вариант типа карьера, выделенного А.Р. Рэдклифф-Брауном.

В моих работах метод А.Р. Рэдклифф-Брауна подвергся некоторым, на мой взгляд, существенным изменениям. Кроме того, в них подчеркивается, что метод диаграмм — универсальный метод анализа (а не «изображения»), имеющий силу при изучении любых классификационных систем родства, не только австралийских. Сравните диаграммы Л.Г. Моргана с диаграммами А.Р. Рэдклифф-Брауна и вы поймете, в чем состоит его открытие. Ему удалось решить далеко не тривиальную задачу — соединить в одной схеме позиции, обозначаемые терминами родства и свойства, и тем самым *понять* классификационные системы родства (решить теорему Л.Г. Моргана) с точки зрения принципа эквивалентности отношений родства

и свойства. В частности, Л.Г. Морган писал, что система родства есть лишь «формальное выражение» отношений по браку [Morgan 1871: 10]. Принцип эквивалентности сиблингов (в терминах А.Р. Рэдклифф-Брауна) также был открыт Л.Г. Морганом, но, скорее, в общем виде понятия классификационных систем родства.

В.А. Попов всячески старается представить дело в выгодном для него свете: «развернутая аргументация или хотя бы ссылки на авторитетные исследования отсутствуют»; «очередн[ая] попытк[а] графического представления классификационных <...> систем родства»; «как будто никто после них [Л.Г. Морган и А.Р. Рэдклифф-Брауна. — П.Б.] этими проблемами не занимался» и пр. (С. 358, 360). Во-первых, ссылки на Л.Г. Морган и А.Р. Рэдклифф-Брауна как на моих предшественников сами по себе подразумевают, что это «очередная» попытка. Наличие предшественников — один из важных критериев научного исследования. Во-вторых, работы А.Р. Рэдклифф-Брауна как раз и являются теми «авторитетными исследованиями», ссылки на которые «отсутствуют» в моей статье. В-третьих, на Западе после А.Р. Рэдклифф-Брауна, А.П. Элькина, Р. и К. Берндт, Э. Лича этим методом действительно никто не пользовался систематическим образом. Но это не значит, что сама идея выделения идеальных типов классификационного родства считается западными учеными чем-то безнадежно устаревшим или даже маргинальным.

Возьмем в качестве примера книгу Алана Барнарда «Социальная антропология: исследуя социальную жизнь людей» (2009), поскольку ее содержание должно быть хорошо знакомо В.А. Попову в качестве учебного пособия для этнографов. В этой книге есть специальный раздел «Родство: термины родства, десцент, альянсы». В подразделе «Как строить диаграммы родства» есть одна замечательная фраза, как нельзя лучше подходящая к нашему случаю: «Построение диаграмм родства — это то, что каждому студенту-антропологу необходимо уметь делать» [Барнард 2009: 147].

В другом подразделе «Элементарные структуры родства» говорится, что элементарные структуры родства выделяются по принципу выбора брачных партнеров на основе «позитивно формулируемых правил» (т.е. предпочтительной формы брака. — П.Б.) [Барнард 2009: 161]. Согласно А. Барнарду, существуют три типа элементарных структур родства: генерализованный обмен (предпочтение отдается дочери брата матери, MBD), отложенный ограниченный, или отложенный прямой, обмен (предпочтение отдается дочери сестры отца, FZD) и ограниченный, или прямой, обмен (одинаковое предпочтение

отдается дочери брата матери и дочери сестры отца, MBD и FZD) [Барнард 2009: 162–164]. Данные структуры представлены тремя графическими схемами, которые можно считать редуцированным вариантом диаграмм А.Р. Рэдклифф-Брауна. Имя самого А.Р. Рэдклифф-Брауна в связи с элементарными структурами родства А. Барнард не упоминает, видимо, полагая, что это открытие было совершено К. Леви-Стросом, который действительно большую часть своего известного труда посвятил анализу австралийских систем родства с помощью диаграмм А.Р. Рэдклифф-Брауна [Lévi-Strauss 1949: 217–277]. Следовательно, элементарные структуры родства суть не что иное, как типы родства А.Р. Рэдклифф-Брауна в терминах теории обмена женщинами. А.Р. Рэдклифф-Браун использовал предпочтительные формы брака в качестве признака той или иной системы родства, но не рассматривал обмен женщинами в роли первоосновы человеческого общества, как это делал Леви-Строс [Lévi-Strauss 1949: 291–292].

Книга А. Барнарда особенно показательна в отношении возможных причин, по которым метод А.Р. Рэдклифф-Брауна не воспринимается как метод анализа классификационных систем родства. Причем его имя даже не ассоциируется с идеей типов родства. По мнению А. Барнарда, диаграммы родства — это лишь иллюстрации структуры терминов родства [Барнард 2009: 150]. Итак, если в западной науке познавательные возможности графического метода выделения типов классификационного родства А.Р. Рэдклифф-Брауна были, по-видимому, недооценены, то в нашей науке он вообще остался практически неизвестен. Неудачи с использованием графических схем объясняются именно незнанием метода, созданного А.Р. Рэдклифф-Брауном. Другие конструкции оказываются либо слишком примитивными, либо слишком громоздкими, т.е. нарушают либо принцип изоморфности, либо принцип обзирности. Вопрос состоит не в том, чтобы решить, использовать или не использовать диаграммы, а в том, чтобы решить, какие диаграммы в наибольшей степени соответствуют задаче изучения систем родства.

За последние десятилетия в российской этнографии о А.Р. Рэдклифф-Брауне вспомнила только О.Ю. Артемова в одном из разделов книги «Колено Исава. Охотники, собиратели, рыболовы» [Артемова 2009: 308–312]. Причем вспомнила именно в связи с тезисом о развитии в работах выдающего австралооведа А.П. Элькина тех самых идей А.Р. Рэдклифф-Брауна об идеальных типах классификационного родства, которые В.А. Попов в настоящий момент аттестует как «абракадабру родства». О.Ю. Артемова пишет: «Развивая идеи Рэдклифф-Брауна

и изучая различные локальные варианты бифуркативно-сливающихся систем, коррелирующие с различными формами брака, Элькин выделил четыре подтипа бифуркативно-сливающихся номенклатур у австралийцев. Этой типологией исследователи пользуются и в настоящее время (см. например: Кин 2004)» [Артемова 2009: 308]. Далее в упомянутом разделе книги О.Ю. Артемовой воспроизводятся схемы систем родства: тип карьера, тип карадбери и тип аранда. В.А. Попов является ответственным редактором этой книги, следовательно, не может не знать, что использование графического метода никем из специалистов не рассматривается как признак профессиональной несостоятельности.

Примерно то же самое можно сказать относительно кода Ю.И. Левина. В моей статье говорится, что доводы, выдвигаемые В.А. Поповым, носят абсолютно надуманный характер. Правда, здесь надо понимать, что в построениях В.А. Попова этот код выполняет роль Кощеева яйца. Обоснование необходимости данного кода является, пожалуй, его единственным теоретическим вкладом, или добавлением, в концепцию М.В. Крюкова. Между тем код Ю.И. Левина является не только излишним с точки зрения теории, но неудобен чисто технически, просто как способ записи. Сравнить два словаря родства, зафиксированные по этому методу, крайне сложно, а сравнить две системы родства невозможно в принципе. Каждый отдельный термин все равно приходится мысленно переводить на обычный язык. Например, ДжДмРРж — «дитя женское / дитя мужского родителя / родителя женского» — означает «дочь брата матери» (mbd).

Принятый в мировой практике способ записи позиций родства с помощью начальных букв латинского алфавита абсолютно аутентичен задаче объективного неевропоцентристского отображения классификационных систем родства. Поэтому священный ужас В.А. Попова по тому поводу, что я предлагаю «пользоваться модифицированной аббревиатурой английских терминов, принятой в мировой литературе», — терминов, которые «искажают специфику систем, не относящихся к линейному типу» (конец цитаты), может вызвать только улыбку, хотя, будучи атеистом, я привык уважать религиозные чувства людей. Негодование по этому вопросу выглядит особенно забавно на фоне собственного заявления В.А. Попова, что «дихотомия “классификационный — описательный” давно раскрытирована» (С. 360, сноска 1). Но если данная дихотомия «раскрытирована», т.е. не существует никакой специфики «систем, не относящихся к линейному типу», о каких «искажениях» специфики классификационных систем родства вообще может идти речь? В этой связи также весьма занимательно, что эти

зловредные аббревиатуры использованы (при полном пренебрежении кодом Ю.И. Левина) и в книге Г.В. Дзибеля “The Genius of Kinship” (2007), и в упомянутой книге О.Ю. Артемовой, и в книге А. Барнарда, к которым В.А. Попов (в той или иной роли) имеет самое непосредственное отношение.

В.А. Попов настойчиво втолковывает читателю, что «П.Л. Белков дает некорректное описание специфики классификационных систем родства», поскольку «в этих типах систем родства нет ни отца, ни брата отца, ни брата матери, а есть мужчины первого восходящего поколения, которые дифференцируются на патрилатератов и матрилатератов» (С. 358). Только почему он указывает на это одному П.Л. Белкову, оставив без внимания это страшное терминологическое прегрешение со стороны Г.В. Дзибеля и О.Ю. Артемовой? Принятые в мировой литературе символы FF, F, FB, m, MB, mbd, fsrd и др. в контексте описания классификационных систем родства воспринимаются как символы определенных денотатов позиций родства или групп людей. Кровные родственники выступают лишь маркерами таких групп. Никаких теоретических затруднений с этим никто никогда не испытывал. Видимо, это как раз тот самый случай: если нет затруднения, его надо выдумать, придав тривиальным утверждениям вид высокой теории. В культурах, практикующих классификационные системы родства, есть и отцы, и братья отца, и братья матери. Например, аборигены Австралии четко отличают генеалогических родственников от классификационных, в том числе и терминологически, по принципу «мой — не мой», «близкий — дальний» и т.п. Это элементарный этнографический факт. Здесь мы еще раз возвращаемся к собственному аргументу В.А. Попова, который заключается в утверждении, что «дихотомия “классификационный — описательный” давно раскритикована». Раскритиковать это разделение значит раскритиковать положение о «специфике классификационных систем родства».

Наконец, когда В.А. Попов, ссылаясь на М.В. Крюкова, говорит, что моргановское деление систем родства на две большие категории давно отвергнуто, он чуть ли не умышленно вводит читателя в заблуждение. М.В. Крюков критикует тезис о том, что терминология родства выражает специфику классификационных систем родства; сам факт специфичности классификационных систем по отношению к описательным (линейным, вторичным) он не подвергает никаким сомнениям. Вот его заключение: «Таким образом, если та часть моргановского определения двух больших категорий систем родства, где классификационные термины противопоставляются описательным, является ошибочной, то второй критерий — слияние или разграничение прямой и коллатеральной линии родства —

существен и объективен» [Крюков 1972: 36]. Второй критерий — это принцип эквивалентности сиблингов, сформулированный еще А.Р. Рэдклифф-Брауном. Обычно взгляды М.В. Крюкова воспринимаются сквозь призму мнения В.А. Попова, выраженного им в статье «К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха», где теоретические взгляды М.В. Крюкова редуцируются к четырехчленной типологии терминологий родства [Попов 1977: 43–45]. Эта статья В.А. Попова до настоящего времени остается единственной его работой, посвященной конкретной теоретической задаче в области изучения систем родства, правда, лишь в части описания этой задачи, а не ее решения. Возможно, сам М.В. Крюков, никогда не возражал против такой в сущности неверной интерпретации его концепции. Но на его собственные построения «четырёхугольная» типология *систем терминов родства* не могла оказать существенного влияния, поскольку предметом его исследования была *система родства* китайцев, что и заявлено в самом заглавии книги: «Система родства китайцев» (1972).

В целом отклик В.А. Попова интересен именно отсутствием настоящей теории. Раньше несоответствия как в собственных взглядах В.А. Попова, так и в его трактовках чужих работ увидеть было довольно сложно, поскольку он избегал изложения своей концепции по системам родства в развернутой систематической форме, за исключением кратких пересказов упомянутой идеи М.В. Крюкова. В сущности реакция на мою статью является вынужденной попыткой полного описания тех разрозненных теоретических положений, которых он реально придерживается.

Собственные «методологические представления и установки» В.А. Попова сводятся к механическому соединению трех элементов: типологии М.В. Крюкова, терминологии Р. Лоуи и кода Ю.И. Левина. Здесь становится понятно, почему он так нуждается в работах Г.В. Дзибеля. На первый взгляд кажется, что Г.В. Дзибель является учеником и последователем В.А. Попова. В действительности Г.В. Дзибель — совершенно самостоятельный исследователь, выказывающий явную неудовлетворенность концепцией В.А. Попова, но по умолчанию решающий для него очень важную задачу. Выстраивая собственную концепцию, радикально отличающуюся от концепции В.А. Попова, он окольным путем приводит *некую* систему разрозненных взглядов, условно именуемую «алгеброй родства», к внешне непротиворечивому виду. Сделать это можно только за счет расширения терминологии. Однако, как показывают работы Г.В. Дзибеля, при таком подходе теория впадает в «регресс в бесконечность». Новые термины порождают

новые противоречия. Другая функция Г.В. Дзибеля состоит в «опредмечивании» «алгебры родства». Поскольку «алгебра родства» определяет себя как пограничная с лингвистикой область этнографии, изучающая системы терминов родства, осуществить эту цель можно только посредством языкознания. В результате Г.В. Дзибель становится штатным «мальчиком для битья» в лингвистике, но альманах «Алгебра родства» приобретает такой важный признак научного издания, как «дискуссии». Вообще это очень плохая идея сталкивать лбами лингвистов и этнографов на страницах одного издания, одновременно превращая это издание в резервацию для исследователей родства на территории этнографии.

В то же время следует подчеркнуть, что сама по себе «алгебра родства», как и все, что происходит на страницах одноименного альманаха, не может считаться чем-то сугубо антинаучным, неким абсолютно чужеродным для науки явлением. Напротив, «алгебра родства» представляет интересный факт науки, заслуживающий изучения с точки зрения проблемы роста научного знания. В.А. Попов в своей статье дважды подчеркивает, что не существует «алгебры родства» как особой парадигмы, что существует «альманах с метафорическим названием “Алгебра родства”» (С. 355, 361). Тогда, пользуясь понятием Р. Карнапа, «алгебра родства» В.А. Попова есть не что иное, как «система свободных от объектов, пустых по содержанию вспомогательных предложений». Школа «алгебры родства» как научная структура не существует, существует только в общем-то полезная обложка «Алгебра родства», под которой могут собираться работы этнографов и лингвистов, время от времени обращающихся к исследованиям явлений родства. Поскольку В.А. Попов сам признает несостоятельность «алгебры родства», возникает вопрос: как возможно обвинять кого-либо в «некорректном» использовании терминов и понятий реально несуществующей парадигмы, имеющей лишь метафорический смысл? Правильнее все-таки считать, что концепция «алгебры родства» существует, но только в виде множества текстов, составление которых подчиняется определенным синтаксическим правилам.

Конечно, не следует слишком надеяться (в этом с В.А. Поповым трудно не согласиться), что дискуссия по проблемам, связанным с исследованием систем родства, заинтересует кого-либо из этнографов, ранее не вовлеченных в эту тематику по роду своих научных интересов, настолько, чтобы, просиживая дни напролет в библиотеках, тратить силы на проверку наших высказываний по свойству истинности или ложности. Скорее всего, многие будут ориентироваться на общее впечатление от внешнего вида высказываний. Однако, кажется, есть очень

простой выход — дать читателям возможность самим сравнить потенциал двух конкурирующих методов на каком-нибудь одном объекте. Чтобы результаты сравнения были объективными с точки зрения чистоты эксперимента, можно было бы начать с африканских примеров, естественно, более близких В.А. Попову как главному оппоненту, поскольку австралийские и полинезийские примеры его явно не устраивают. С другой стороны, я выполняю очень рациональное в научном отношении пожелание Н.А. Добронравина — посмотреть, как предлагаемый метод работает за пределами Австралии и Океании. С этой точки зрения все, что требовалось от В.А. Попова при написании отклика на мою статью, — это повторить эксперимент с использованием моих диаграмм на другом материале, и тогда либо признать данный метод, либо показать, что он дает неверные результаты.

Часть II. Системы родства на фоне предметной области этнографии

Если мы говорим о родстве как предмете исследования этнографии, ему можно дать следующее номинальное определение. Родство (система родства) — это совокупность правил и процедур наследования и/или установления (путем заключения брачных союзов) социальных позиций, основанная на различных способах группирования людей по признакам принадлежности к определенной линии (или месту) происхождения, поколению и полу. Родство как фрагмент реальности является основой для выделения двух самостоятельных предметов исследования. Один из них (терминология родства) принадлежит языкознанию, другой (система родства) — этнографии, или, если угодно, этнологии. В последнем случае родство рассматривается не как явление языка, а как явление традиционной культуры. В действительности реальность классификационного родства есть по большей части не биологическая, а фольклорная или мифологическая реальность (имущественные отношения еще не отделены от ритуальных). Также линейные системы родства, будучи по форме биологическими, своим содержанием имеют не генеалогические, а имущественные связи.

Однако на чем конкретно должен сфокусировать свое внимание этнограф, чтобы выполнить условие подхода к родству как *явлению культуры*, а не как к *явлению языка*? По-видимому, для этого необходимо отвлечься от терминов родства, или *обозначающего*, в пользу собственно структуры родства, или *обозначаемого*. Типологизации поддаются только системы родства, т.е. структура, а не терминология. Конечно, сравнивая терминологии родства, статистически можно выявить некоторые

корреляции фактов. Однако науку интересуют не отдельные совпадения сами по себе, а объяснения этих фактов, т.е. законы или понятия. Создать типологию систем терминов родства, вероятно, так же невозможно, как создать типологию шахматных партий. В этом случае пределом формализации является выделение классических партий. То же самое касается систем терминов родства, обзор которых действительно позволяет выделить наиболее часто встречающиеся (т.е. наиболее эффективные в тех или иных отношениях) системы ходов вроде взаимной, скошенной, скользящей, генерационной и т.п. терминологии. Сочетание ходов в игре между двумя брачными сторонами — Эго и его будущей жены, практически бесконечно, но цель всегда одна — «выигрыш» в виде заключения наиболее выгодного союза, т.е. максимально соответствующего представлениям о предпочтительной (обязательной, ортодоксальной) форме брака.

Трудность заключается в самой процедуре абстрагирования обозначаемого от обозначающего, поскольку практически узнать о существовании первого можно только посредством второго. Например, Д. Рид видит причину всех неудач в исследованиях родства (когда задачи, поставленные наукой в XIX и XX вв., так и не были решены) в тщетности попыток переключить внимание с изучения родства в «его собственных терминах», т.е. как терминологической (символической) системы, на изучение родства в терминах социальных отношений между участниками процесса социального воспроизводства [Read 2009: 42]. В действительности ничего подобного никогда не происходило. Предлагая новую парадигму изучения родства, В. Рид ломится в открытую дверь. Исследования, во времена Л.Г. Моргана начинавшиеся с собственно систем родства, давно превратились в исследования систем терминов родства в соответствии с максимой А. Крёбера «системы родства — это терминологии» (цит. по: [Read 2009: 43]). Новейшее достижение в этой области принадлежит Г.В. Дзибелю: «родство — это обмен терминами языка» (“kinship is a linguistic exchange”) [Dziebel 2007: 189]. Критика моргановского деления «классификационные — описательные системы» основывается на том факте, что описательные терминологии содержат классификационные термины [Kroeber 1971: 59–60; Dziebel 2007: 186–187]. Однако Л.Г. Морган имел в виду в первую очередь различие между системами (структурами) родства, а не между терминологиями родства.

Вероятно, Л.Г. Морган специально не подчеркивал необходимость четкой дифференциации понятия системы (структуры) родства и системы терминов родства, когда противопоставлял классификационные и современные системы. Это были

времена «первого крещения» концепции классификационных систем родства. Однако его типология основана на четком разграничении классификационных систем (малайской и тураноганованской) и современной системы (английской, или описательной), поскольку он ориентировался не только и не столько на различие *лексиконов* родства, сколько на различие *схем* (структур) родства в первобытном и современном обществе (см. ниже).

В книге О.Ю. Артемовой «Колено Исава. Охотники, собиратели, рыболовы» есть одно замечательное место. «Долгое время в нашей литературе, — пишет она, — эти системы символов, предназначенные для эгоцентрического употребления, чаще всего именовались *системами родства*. Затем был внедрен — как более точный [sic!] — термин “*системы терминов родства*”. Параллельно всегда с тем же значением использовались термины “*терминологии родства*” и “*номенклатуры родства*”. В этой работе предпочтен последний термин» (курсив автора) [Артемова 2009: 271]. Этот пример положительно подтверждает то, что говорилось выше. В работах отечественных, так же как и западных исследователей понятие системы родства поглощается понятием номенклатуры родства вопреки всем уверениям (впрочем, больше подходящим на заклинания) относительно того, что понятия системы родства и системы терминов родства «не тождественны и не синонимичны», что системы родства составляют «план содержания», а системы терминов родства — «план выражения» и т.п. [Попов 1990: 147–149]. Сформулировать можно все что угодно, но реализовать данный принцип в рамках «алгебры родства» и ее зарубежных аналогов явно не удается.

Р. Кисинг, вероятно, не имел в виду подмену понятия «система родства» понятием «система терминов родства», но результаты «терминологического» подхода были им сформулированы весьма точно: «Несмотря на вековые усилия, ни одному антропологу не удалось создать общую теорию системной связи между классификациями [т.е. терминологиями. — П.Б.] родства и социальной организацией» (цит. по: [Read 2009: 42–43]). Разумеется, между языком и отражаемыми им явлениями или понятиями не существует жесткой связи. Термины родства в этом плане не могут составлять исключения. Что же касается системы (структуры) родства, любое профессиональное исследование родства в отдельном обществе, *взятое в целом*, эмпирически неопровержимо доказывает наличие тесной связи отношений родства с социальной организацией.

Из того, что все современные типологии родства суть типологии систем терминов родства, вытекала задача статьи

«Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства» — задача пересмотреть господствующие взгляды, с тем чтобы в конечном итоге теоретическим объектом исследования действительно выступала типология систем родства.

Приведем достаточно развернутое высказывание М.В. Крюкова, которое полностью противоречит теоретическим основаниям «Алгебры родства», рассматривающей в качестве предмета исследования системы терминов родства и теоретически, и эмпирически. «Так называемые типы систем родства, — пишет он, — это искусственные модели, конструируемые исследователем с целью применения их в качестве инструмента научного анализа. Относя ту или иную систему к одному из выделенных им типов, исследователь вынужден абстрагироваться от многих частных особенностей, эмпирическое многообразие которых необозримо. С другой стороны, многие системы не могут быть однозначно отнесены к определенному типу потому, что они представляют собой некое промежуточное состояние перехода от одного типа к другому. Поэтому для типологии систем родства первостепенное значение имеет изучение закономерностей перехода от одного исторического типа к другому, и в частности относительной последовательности трансформации отдельных структурных элементов системы» [Крюков 1972: 280]. В данном отрывке заключены два важнейших положения, которые были максимально нейтрализованы в концептуальном пространстве «алгебры родства». Первое связано с отождествлением предмета исследования с системами родства, второе — с определением типов систем родства как «абстрактных моделей» («искусственность» здесь выступает синонимом абстрактности), конструируемых в качестве инструмента научного анализа систем родства.

Обобщая встречающиеся в литературе высказывания по проблеме «системы родства — системы терминов родства», можно сказать, что большинство авторов, с одной стороны, рассматривают переключение интереса этнографов с систем родства на терминологию родства как важнейшее теоретическое достижение, а с другой стороны, признают, что это переключение имеет практически нулевые результаты. Может быть, этнографам пора перестать удивляться этому несоответствию и вернуться к изучению систем родства (≠ терминологий родства)?

Повторим еще раз некоторые общие положения. Вторичные системы родства Л.Г. Морган объединял в один арийский (описательный) тип, а первичные разделял на два самостоятельных стадияльных (диахронических) типа — малайский и турано-ганованский, по принципу терминологического

слияния/разграничения 1) прямой и боковых линий, 2) линий отца и матери. Если брать за основу группирование родственников первого восходящего поколения, историческая типология систем родства Л.Г. Моргана приобретает следующий вид:

Малайский $F = FB = MB$ $m = msr = fsr$

Турано-ганованский $[F = FB] \neq MB$ $[m = msr] \neq fsr$

Арийский $F \neq [FB = MB]$ $m \neq [msr = fsr]$

(описательный)

В графическом виде эволюция систем родства в трудах Л.Г. Моргана может быть представлена так (рис. 1):

Рис. 1. Эволюция систем родства по Л.Г. Моргану

Поскольку в малайской (гавайской) системе родства один термин используется для всех трех категорий родства в рамках каждого поколения, Л.Г. Морган рассматривал эту систему как самую простую, следовательно, самую древнюю. Это подкреплялось тем, что он ориентировался на свои представления о развитии материальной культуры, согласно которым гавайцы находились на самой низшей ступени развития человеческой культуры.

Впоследствии стало ясно, что в своей классификации народов по ступеням развития материальной культуры Л.Г. Морган исходил из не вполне верных критериев, ставя во главу угла одни признаки и не учитывая другие. Ученые, работавшие после Л.Г. Моргана, внесли поправки в его схему, поменяв местами на эволюционной лестнице гавайский тип и турано-ганованский, который позже стали называть ирокезским, или австралийским. Арийский тип родства теперь принято называть английским, или эскимосским. Возникли и некоторые другие варианты наименований. Важнее, что был добавлен, или выделен, четвертый тип систем родства, именуемый арабским (китайским), по особенностям характера распределения терминов в первом восходящем поколении. Все это было обобщено в теоретической части книги М.В. Крюкова «Система родства китайцев». Так была создана четырехчленная типология, в известной степени синтезирующая в себе результаты западных исследований:

Линейный (арийский) $F \neq [FB = MB]$ $m \neq [msr = fsr]$

Генерационный $F = FB = MB$ $m = msr = fsr$
(малайский)

Бифуркативно-слившийся [F = FB] ≠ MB [m = msr] ≠ fsr
(турано-ганованский)

Бифуркативно-коллатеральный F ≠ FB ≠ MB m ≠ msr ≠ fsr
(арабский)

Графически теория М.В. Крюкова выражается следующим образом (рис. 2):

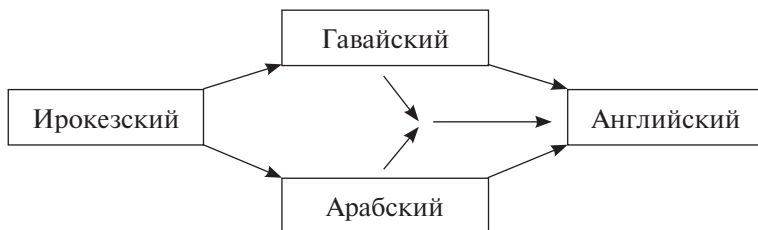

Рис. 2. Историческая типология систем родства М.В. Крюкова

Впоследствии В.А. Попов выступил с положением, что существующие названия типов «не совсем удачны, потому что каждый тип привязан к определенному этносу», и что более правомерно использовать наименования типов СТР по структурным признакам [Попов 1977: 44]. «Если, — пишет он, — обозначить разграничение родственников по прямой и боковым линиям термином “линейность”, а разграничение родственников по отцовской и материнской линиям назвать “бифуркацией”, то с помощью этих терминов можно описать все основные типы СТР, указывая одновременно на главный структурообразующий признак каждого типа» [Попов 1977: 44–45]. Рассуждения его таковы. Поскольку характерным признаком ирокезского типа является бифуркация, то его можно назвать бифуркативным типом; арабский, сочетающий оба признака, — бифуркативно-линейным; а английский — линейным, поскольку он обладает только признаком линейности. Наконец, гавайский тип игнорирует оба признака и «его невозможно определить исходя из них», но поскольку особенностью данного типа является разграничение родственников по поколениям, он может быть назван поколенным (генерационным) [Попов 1977: 45]. Идею наименований СТР по «структурным признакам» В.А. Попов взял у Р. Лоуи: генерационный (гавайский), бифуркативно-коллатеральный (арабский), бифуркативно-слившийся (австралийский, или ирокезский) и линейный (английский) — и наложил ее на четырехленную типологию М.В. Крюкова, классифицировавшего типы по наличию/отсутствию двух признаков — разграничения прямой и боковой линии, линии отца и линии матери. При этом типология М.В. Крюкова в свою очередь тоже является вариантом схемы Р. Лоуи, правда, с той разницей, что

последний рассматривал бифуркативно-коллатеральную (арабскую) систему как стадию, предшествующую бифуркативно-слившейся (ирокезской) системе.

Поправки В.А. Попова носят лишь стилистический характер, ровным счетом ничего не добавляя к теории М.В. Крюкова в структурном плане и производя лишь формальные изменения в терминологии Р. Лоуи (замена выражения «бифуркативно-коллатеральный» на «бифуркативно-линейный»). При этом В.А. Попов, кажется, не заметил два довольно серьезных противоречия. Во-первых, противоречия между двумя своими фразами: о том, что с помощью терминов «линейность» и «бифуркация» можно описать все основные типы СТР, и о том, что гавайский тип невозможно определить исходя из этих двух признаков. И, во-вторых, противоречия между типологиями Р. Лоуи и М.В. Крюкова в целом. Четырехчленная схема Р. Лоуи оставалась моргановской с приращением снизу арабской системы в качестве древнейшей. Четырехчленная схема М.В. Крюкова фактически утратила свойство эволюционной классификации, хотя по инерции продолжает называться исторической типологией. В статье 1995 г. М.В. Крюков, кажется, открыто признал этот факт, характеризуя свою концепцию как «концепцию трансформационной многолинейности систем родства» [Крюков 1995: 111].

Концепция, которой в настоящее время придерживается В.А. Попов, точнейшим образом отображает пробелы в концепции М.В. Крюкова. Это видно и по тому, что библиографии в работах В.А. Попова практически совпадают с библиографиями в работах М.В. Крюкова по упоминанию/неупоминанию некоторых имен. В работах М.В. Крюкова имена А.Р. Рэдклифф-Брауна и А.П. Элькина не ассоциируются с представлением о «пике цитирования». И в работах В.А. Попова их вклад практически игнорируется. На этом месте, если не учитывать недавнего предложения Г.В. Дзибеля именовать генерационный тип инкорпорирующим, историю изучения эволюции родства, по крайней мере в российской этнографии, можно пока завершить. Начинается история схоластических споров об отдельных терминах или о «соотношении» лингвистического и этнографического аспектов.

Сопутствующим событием пока еще никем не объясненного перехода от классических эволюционных представлений к теории многолинейной эволюции родства стало переключение внимания с систем родства на терминологии родства. Во всяком случае терминологии родства каким-то незаметным образом стали рассматриваться как синоним систем родства, а потом просто вытеснять их из области исследования. Это

произошло в результате «перехода» от работ М.В. Крюкова к работам В.А. Попова. Там, где М.В. Крюков продолжает говорить о системах родства, В.А. Попов переключает внимание на системы терминов родства. Не пытаясь пока выяснить, в чем состоит замысел В.А. Попова в переориентации усилий в область так называемых «междисциплинарных исследований», вернемся к схеме М.В. Крюкова и посмотрим, что покажет применение метода диаграмм в ее верхней части «ирокезский → гавайский тип». Поскольку обозначения «ирокезский» и «австралийский» считаются двумя разными названиями одного и того же типа родства, мы можем основываться на существующих результатах изучения австралийских систем родства. Согласно этим результатам австралийские системы родства, вне всякого сомнения классификационные, разделяются на три основных типа: тип карьера, тип карадьери, тип аранда. Можно спорить о методах построения диаграмм, о причинах перехода от одного типа к другому внутри австралийского континента, но невозможно оспаривать их существование. Однако, поскольку по условиям задачи австралийский тип считается исходным по отношению к гавайскому как более позднему, нам достаточно сопоставить три австралийские схемы и гавайскую схему, чтобы сделать выводы о действительном характере их структурных взаимосвязей.

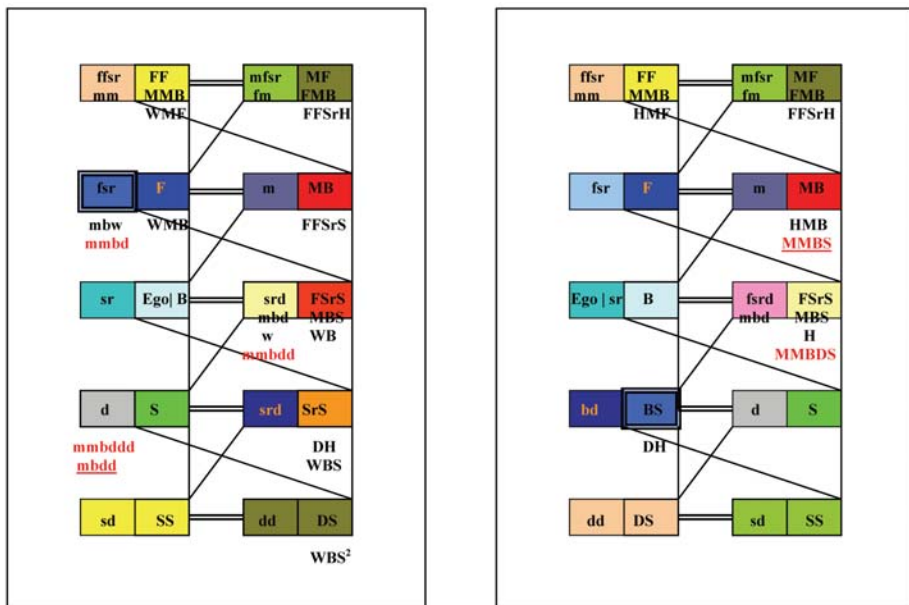

Рис. 3. Система родства карьера [Radcliffe-Brown 1913]¹

¹ Здесь и далее названия схем сопровождаются ссылками на публикации, на материалах которых они составлены.

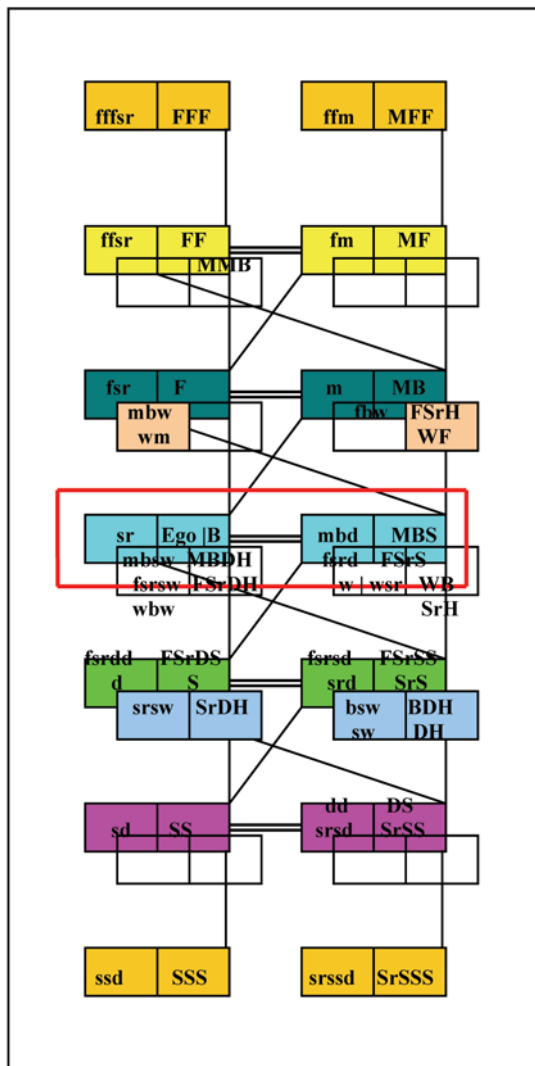

Рис. 6. Система родства гавайцев [Морган 1935]

Сравнив эти четыре схемы, нетрудно понять, что под термином «австралийский (ирокезский)» тип скрываются три различных типа систем родства, один из которых (тип карьера, или, как его теперь чаще называют, дравидийский) идентичен гавайскому типу. Следовательно, гавайский тип входит в число австралийских в качестве одного из трех указанных вариантов. С одной стороны, формула слияния/разграничения терминов $[F = FB] \neq MB$ имеет силу для всех трех типов австралийских систем родства, притом что их структура различна. На примере системы родства карадьеры также становится видно, что данная формула является неполной, так как необходимо учитывать

еще и фактор слияния/разграничения MB и FFSrS, которые являются родителями mbd и fsrd. Именно отсюда возникает ошибка с истолкованием классификационной системы родства австралийского народа мурнгин как относящейся к линейному арабскому (суданскому) типу. С другой стороны, гавайская формула слияния/разграничения терминов первого восходящего поколения отличается от австралийской, но структура родства совпадает с австралийским типом карьера. Для сравнения полезно привести и собственно ирокезскую (сенека) систему родства, которая оказывается вариантом типа аранда.

Причины отличия в распределении терминов родства гавайской системы от системы карьера, а ирокезской — от системы аранда следует искать в особенностях социальной организации собственно гавайского или ирокезского общества, подразумевающих непрескриптивные правила заключения брачных соглашений. Это предмет для отдельного исследования. Но уже сейчас исходя из взаимного расположения терминов на схеме можно, например, утверждать, что объединение категорий родства по генерационному признаку является следствием, а лучше сказать формой наложения запрета на браки

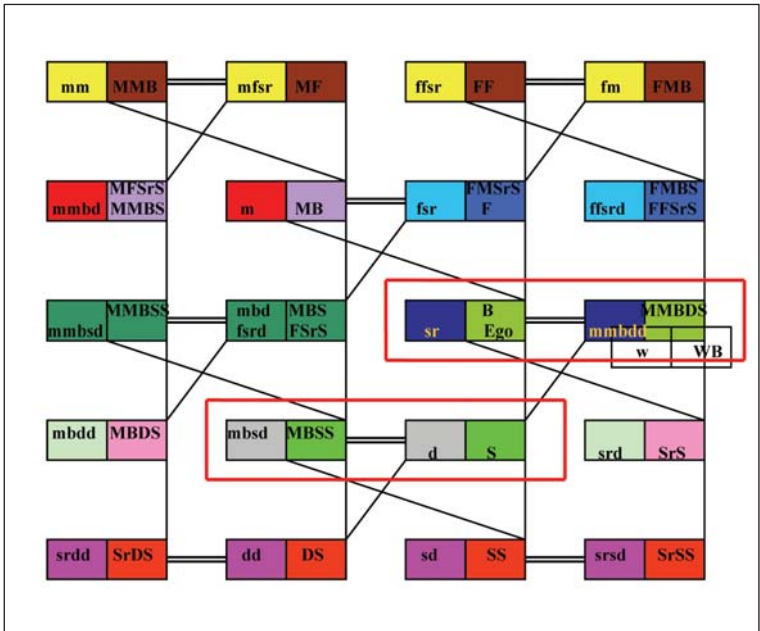

Рис. 7. Система родства сенека [Lounsbury 1971]

с кросскузинами первой степени, действительными или классификационными — дочерью брата матери (mbd) и дочерью сестры отца (fsrd) — путем приравнивания их к женщинам из категории «сестер» (в целях упрощения счета этот принцип распространяется с поколения Эго на все восходящие и нисходящие поколения). Это означает, что в данном случае мы имеем дело с непрескриптивной классификационной системой родства в отличие от системы карьера. Изучение схемы родства гавайцев дает ответ на загадку, которую совершенно невозможно решить в рамках сопоставления терминов родства. Ясно, что, для того чтобы произвести такое отождествление лиц одного поколения, принадлежащих к противоположным сторонам, эти стороны, или линии «отца отца» (FF) и «отца матери» (MF), необходимо различать между собой. Так что, если пользоваться терминологией самого В.А. Попова, гавайская система является типичной бифуркативной, или бифуркативно-сливающейся.

Таким образом, в рамках классификационных систем родства переход от типа карьера к типу карадьери или типу аранда происходит за счет внутреннего потенциала трансформации под влиянием потребностей брачной конъюнктуры. По тем же причинам прескриптивная система может превратиться в непрескриптивную. Забегая несколько вперед, можно предположить, что, например, системы кроу и омаха могут рассматриваться как непрескриптивные варианты системы типа карьера, а ирокезская система — как непрескриптивный вариант системы типа аранда. Сочетание таких признаков, как различное число линий, особенности социальных институтов, взаимных или обратных связей между лицами, занимающими отдельные ячейки родства, специфика брачных обычаев и т.п., вызывает бесконечное множество вариантов систем терминов родства.

Системы терминов родства, конечно, сами не поддаются табуляции, но, наблюдая, как распределяются между ними места на схеме родства, и зная этнографические реалии, стоящие за этим, можно увидеть то, что невозможно зафиксировать при непосредственном опросе информантов. В качестве примера можно привести схему родства карадьери. Первоначально мне казалось, что одной из особенностей систем родства типа карадьери является число линий кратное трем. Поэтому в одной из своих статей я изобразил систему карадьери в виде призмы с треугольным основанием, что соответствует минимальному числу локальных групп, или линий, необходимому для функционирования этой системы [Белков 2009а: 120]. Позже стало понятно, что данная система не может функционировать без нарушений брачных правил, обязательных для системы карьера (по отношению к которой система карадьери является

производной), при наличии только трех линий — линии FF, линии MF (FMB) и линии MMB — необходима «вставка» между линией FF и линией MMB в виде добавочной линии FFSrH [Белков 2009г: 253].

А.П. Элькин писал о добавочной линии FFSrH, что она вводится для соблюдения запрета на брак с fsrd («дочерью сестры отца»); следовательно, он предполагает искать «мать жены» среди тех женщин, с которыми не прослеживается близкое родство (т.е. не являющихся действительными «сестрами отца» по отношению к Эго). Это означает, что брат матери матери Эго не может быть женат на женщине из группы mfsr («сестер отца матери») или группы ffsr («сестер отца отца»), которые рассматриваются как его «сестры». Таким образом, только женитьба MMB на женщине из группы, альтернативной по отношению к группе FF и группе MF (=FMB), дает «правильную» жену брату матери Эго и, следовательно, «правильную» мать жены и «правильную» жену для самого Эго [Elkin 1956: 77–78].

Если мы сравним схему родства карьера со схемой родства карадьери, то увидим, что запрет на брак действительного брата матери матери с сестрой отца матери связан с запретом обмена сестрами при заключении брака, а запрет на брак брата матери матери с сестрой отца отца — с запретом, «встроенным» в систему карьера в качестве исходной модели для системы карадьери, поскольку в системе карьера MMB и ffsr находятся на одной линии родства. Похожую вставку можно видеть и на схеме родства унгариньин (вариант типа аранда, состоящий из шести линий/локалей). Между линией FMB и MF вклинивается линия WMF для предотвращения браков между представителями категорий родства FMB и mfsr [Elkin 1956: 76–77]. Данный метод анализа может показаться сложным для восприятия, но эта сложность не выше, чем та сложность, с которой мы сталкиваемся в тех редких ситуациях, когда нам самим приходится высчитывать степени отдаленного родства по боковым линиям.

Компонентный анализ в том значении, в том виде, в котором он используется в работах В.А. Попова, является калькой внутреннего для лингвистики метода раскрытия семантики терминов языка, следовательно, вообще не отвечает решению задач в сфере изучения этнографических явлений. Какой смысл имеет тавтологическая по своей сути процедура, позволяющая сделать относительно отдельных терминологий родства только тот вывод, что это терминологии родства? Например, в стандартном заключении, что *основными структурообразующими компонентами СТР* [имярек этнической группы] *являются*

характер родственной связи, генеалогическое поколение, генеалогическое расстояние, пол альтера.

Если же компонентный анализ понимать шире, вообще как метод выявления принципов функционирования некоего целого на основе выделения его компонентов (принцип «система — составляющий элемент»), под это определение подпадает именно метод составления схем родства А.Р. Рэдклифф-Брауна, поскольку этот метод позволяет сравнивать системы родства в целом, а не по отдельным случайно выхваченным фрагментам.

В настоящее время приходится слышать, что концепция идеальных типов классификационного родства А.Р. Рэдклифф-Брауна кем-то давно опровергнута. На самом деле эта концепция была либо не понята (и потому забыта), либо просто исключена из рассмотрения, поскольку осталась совершенно неизвестной. В западной литературе она известна в связи с «великолепной неудачей» К. Леви-Строса, превратившего понятие типов классификационного родства А.Р. Рэдклифф-Брауна в понятие типов обмена (простого и обобщенного); а в отечественной литературе, судя по очень поверхностным ссылкам (или их полному отсутствию) на классические работы А.Р. Рэдклифф-Брауна и его последователей, она, кажется, вообще не упоминается. В сущности вся исследовательская программа «Алгебры родства» (так называемый этнографический подход) построена именно на игнорировании трудов А.Р. Рэдклифф-Брауна.

В чем состоит метод компонентного анализа систем терминов родства по В.А. Попову, можно показать на примере одной из его собственных статей, написанной им по системе терминов родства народа манья в Либерии (в соавторстве с Секу Конне, который одновременно выступал в роли информанта) [Конне, Попов 1995]¹. Текст статьи практически совпадает с изложением основ его метода, поэтому представленные ниже таблицы — это упомянутая статья за исключением небольшого введения, посвященного краткому определению географических и этнических координат общности манья. Статья состоит из двух таблиц и пояснений к ним. Последняя часть представлена мною в виде коротких тезисов, на которые она, собственно говоря, и раскладывается. Никаких изменений в порядке появления или «сгущений» авторского текста я не делал, но лишь пронумеровал фразы и предложения.

¹ Непонятны причины, по которым В.А. Попов так редко применяет свой метод. Возможно, я что-то упускаю, но мне удалось найти еще только одну статью, основанную на этом методе (см.: [Мбайкенг, Попов 1999]).

Таблица 1

Система терминов родства манья¹

№	Классы родства	Денотаты	Дезигнаты
1	tulomina	PPP, ДДД	P ³ =D ³
2	meme	PMP, PMPЖ	PMР
3	mamak	PЖPМ, PЖPЖ	PЖP
4	fa	PМ	PМ
5	ba	PЖ	PЖ
6	fadmani	-ДМРРМ	-ДМРРМ
7	fak	+ДМРРМ	+ДМРРМ
8	bak	+ДЖРРЖ, +СЖРМ*	+ДЖРРЖ, = +СЖРМ
9	badmani	-ДЖРРЖ, -СЖРМ*	-ДЖРРЖ, = -СЖРМ
10	mekε	ДМРРЖ, СМДЖРРЖ	ДМРРЖ = СМДЖРРЖ
11	Tεε	ДЖРРМ, СЖ ДМРРЖ	ДЖРРМ = СЖ ДМРРЖ
12	kεkε	+ДМР, +ДМДМРРМ	+ДМР = +ДМДМРРМ
13	kεmuso	+ДЖР, +ДЖДМРРМ	+ДЖР = +ДЖДМРРМ
14	dεkε	-ДМР, -ДМДМРРМ	-ДМР = -ДМДМРРМ
15	dεmuso	-ДЖР, -ДЖДМРРМ	-ДЖР = -ДЖДМРРМ
16	Fadenkε	ДМРМ	ДМРМ
17	fadenmuso	ДЖРМ	ДЖРМ
18	badenkε	ДМРж	ДМРж
19	badenmuso	ДжРж	ДжРж
20	tεnεnden	ДМДЖРРМ, ДжДжРРМ	ДДЖРРМ
21	mεkeden	ДМДМРРЖ, ДжДМРРЖ	ДДМРРЖ
22	denkε	ДМ	ДМ
23	denmuso	Дж	Дж
23	mamanin	ДМ ДМ, ДжДМ, ДМДж, ДжДж	D ²
25	kε	СМ	СМ
26	muso	СЖ	СЖ
27	blankε	РМСМ, РМСЖ, +ДМРСЖ, +ДМРСМ	РМС = +ДМРС
28	blanmuso	РЖСЖ, РжСМ, + ДжРСЖ, +ДжРСМ	РЖС = +ДжРС
29	nim	-ДМРСЖ, -ДжРСМ, -ДМРСЖ, -ДМРСМ	-ДРС
30	sina*	СЖСМ	СЖСМ

* В полигамной семье

¹ Курсивом или полужирным шрифтом обозначены денотаты с точки зрения женского Эго.

Таблица 2

Компонентный анализ

№	Классы родства	Сигнификаты						
1	tulomina	1.1	2.4	3.3	—	—	—	—
2	memε	1.1	2.3	3.2	4.1	—	—	—
3	mamakɔɔ	1.1	2.3	3.2	4.2	—	—	—
4	fɑ	1.1	2.2	3.1	4.1	—	6.1	—
5	bɑ	1.1	2.2	3.1	4.1	—	6.2	—
6	fɑɔɔmani	1.1	2.2	3.1	4.1	—	6.1	7.2
7	fakɔɔ	1.1	2.2	3.1	4.1	—	6.1	7.1
8	bakɔɔbɑ	1.2	2.2	3.1	4.2	—	6.2	7.1
9	bɑɔɔmani	1.2	2.2	3.1	4.2	—	6.2	7.2
10	mεkε	1.2	2.2	3.1	4.1	5.2	6.2	—
11	tεnε	1.2	2.2	3.1	4.2	5.1	6.1	—
12	kɔɔkε	1.1	2.1	3.0	4.1	—	—	7.1
13	kɔɔmuso	1.1	2.1	3.0	4.2	—	—	7.1
14	dɔkε	1.1	2.1	3.0	4.1	—	—	7.2
15	dɔɔmuso	1.1	2.1	3.0	4.2	—	—	7.2
16	Fadenkε	1.1	2.1	3.0	4.1	5.1	6.1	—
17	fadenmuso	1.1	2.1	3.0	4.2	5.1	6.1	—
18	<i>badenke</i>	1.1	2.1	3.0	4.1	5.2	6.2	—
19	<i>badenmuso</i>	1.1	2.1	3.0	4.2	5.2	6.2	—
20	tenenden	1.1	2.1	3.0	—	5.2	6.1	—
21	mεkeden	1.1	2.1	3.0	—	5.1	6.2	—
22	denkε	1.1	2.5	3.1	4.1	—	—	—
23	denmuso	1.1	2.5	3.1	4.2	—	—	—
23	mamanin	1.1	2.6	3.2	—	—	—	—
25	kε	1.4	2.1	3.0	4.1	—	—	—
26	muso	1.4	2.1	3.0	4.2	—	—	—
27	blankε	1.3	—	—	4.1	—	—	—
28	blanmuso	1.3	—	—	4.2	—	—	—
29	nimo	1.3	2.1	3.0	—	—	—	7.2

Павел Белков. Этнография родства и проблема рациональности научного открытия

1. Характер родственной связи

- 1.1 — кровный родственник
- 1.2 — кровный родственник и внутренний свойственник
- 1.3 — свойственник
- 1.4 — внешний свойственник

2. Генеалогическое поколение

- 2.1 — 0 поколение
- 2.2 — +1 поколение
- 2.3 — +2 поколение
- 2.4 — +3 поколение
- 2.5 — -1 поколение
- 2.6 — -2 поколение

3. Генеалогическое расстояние

- 3.0 — 0 ранг
- 3.1 — 1 ранг
- 3.2 — 2 ранг
- 3.3 — 3 ранг

4. Пол альтера

- 4.1 — мужской
- 4.2 — женский

5. Пол коннектора

- 5.1 — мужской
- 5.2 — женский

6. Латеральность кровных родственников

- 6.1 — патрилатеральность
- 6.2 — матрилилатеральность

7. Относительный возраст альтера в пределах генеалогического поколения (по отношению к Эго в 0 поколении к его родителям в +1 поколении)

- 7.1 — старший
- 7.2 — младший

[Выводы]

1. Основными структурообразующими компонентами СТР манья являются: характер родственной связи, генеалогическое поколение, генеалогическое расстояние, пол альтера.
2. Пол альтера не релевантен для классов родства 1, 20, 21, 24, 29.
3. Четко разграничиваются кровные родственники и внешние родственники (25–26).
4. Различаются пять поколений: 0, +1, +2, -1, -2.
5. Альтеры +3 и -3 поколений обозначаются одним термином и практически составляют одно поколение предков/потомков.
6. Для кровных родственников +1 поколения релевантен переменный «пол коннектора» (11 — мужской; 10 — женский). Так же это действует для кровных родственников 0 поколения (16, 17, 21 — мужской; 18–20 — женский).
7. По признаку «латеральность кровных родственников» распределяется [что распределяется? — П.Б.] по классам родства, обозначающим альтеров +1 и 0 поколений. 4, 6, 7, 11, 16, 17, 20 — патрилатераты; 5, 8, 9, 10, 18, 19, 21 — матрилатераты.
8. По признаку относительного пола альтера в пределах генеалогического поколения дифференцируются сиблинги родителей (6, 9 — младший, 7, 8 — старший). Класс родства 29 — младший по отношению к классам родства 27 и 28.
9. В историко-типологическом отношении СТР манья представляет собой один из вариантов перехода от бифуркативного типа к бифуркативно-линейному.

О переходе к бифуркативно-линейному типу свидетельствуют, прежде всего, особенности номинации родственников +1 и 0 поколений. В +1 поколении родитель Эго обособляется от его сиблингов мужского пола, а эти сиблинги различаются друг от друга с помощью описательных терминов для сиблингов родителя с учетом их относительного возраста. Родитель обозначается **fa**, а его сиблинги мужского пола: **fakrɔ** — **fadrɔmani** (соответственно: старший и младший). Аналогично с обозначением родительницы Эго и всех ее женских сиблингов. Родительница обозначается термином **ba**, а ее сиблинги обозначаются термином **bakrɔba** — **badrɔmani** (соответственно: старшая и младшая).

О принадлежности к бифуркативному типу свидетельствуют особенности группировки родственников 0 поколения. Сиблинги и ортокузены обозначаются одним термином, а кросскузены обозначаются другим термином. Сиблинги и ортокузены обозначаются **krɔkɛ** и **drɔkɛ** (соответственно: старший и младший). Это касается всех

сиблингов и ортокузенов мужского пола, а сиблинги и ортокузены женского пола обозначаются **kɔɔmuso** и **dɔɔmuso** (соответственно: старшая и младшая). Матрилатеральные кросскузены обозначаются термином **tɛnɛnden** независимо от пола, а патрилатеральные кросскузены обозначаются термином **mɛkɛden**.

В СТР манья особое значение приобрел критерий относительного возраста альтера. Именно появление этой дифференциальной переменной свидетельствует о переходе от бифуркативного типа СТР к бифуркативно-линейному.

Очевидно, что словарь терминов родства манья, как и любой другой, представляет собой знаковую систему. Также очевидно, что, оперируя этими знаками, носители культуры решают какие-то задачи из области материальной практической деятельности, связанные с наследованием имущества, установлением брачных связей (т.е. опять-таки имущественных отношений), осуществлением ритуальных функций и т.п. Однако сами носители культуры не знают структуры («грамматики») отношений, в которые они вступают по поводу наименований родства. Выявить эту структуру — задача стороннего наблюдателя, вооруженного своими объективными средствами символизации действительности. Выработка знаковой системы, изоморфной системе отношений родства, равнозначна выявлению их структуры. Второе требование к созданию такой знаковой системы — она должна обладать свойствами, позволяющими сделать обозримым то множество фактов, с которым сталкивается исследователь. Как известно, информация о терминах родства в подлинно профессиональных этнографических трудах, посвященных социальной организации, в частности системам родства, занимает ничтожно малый процент по сравнению с теми сведениями, которые приходится брать в процессе наблюдения.

Как можно видеть, метод В.А. Попова «от систем терминов — к системам родства» попросту отбрасывает всю эту массу сведений как не поддающуюся формализации. В результате ради сомнительного для ученого удобства пользования усеченной информацией происходит подмена предмета исследования, и объектом символизации, т.е. научного анализа, становятся сами термины родства. Рассмотрим, как это происходит в статье С. Конне и В.А. Попова. Сначала собирается словарь родства с указанием «денотатов» каждого термина. С этой точки зрения простые термины «мать», «отец», «сын», «дочь», «брат», «сестра» являются частным случаем описательных терминов, вроде «отец отца», «мать отца», «брат матери», «дочь дочери брата матери матери». Затем каждый денотат заменяется символом в соответствии с кодом Ю.И. Левина. Например, «отец

отца» → РМРм, «отец матери» → РМРж и т.п. На следующем этапе денотаты сокращаются, превращаясь в «дезигнаты»: РРР → Р³; РМРм, РМРж → РМР; ДжРРм или СжДмРРж → ДжРРм = СжДмРРж. Далее информация о терминах родства кодируется с помощью цифр, превращаясь в «сигнификаты» (ряды цифровых обозначений), которые в свою очередь соответствуют специально созданным и оцифрованным терминам научного языка: «внешний свойственник», «0 поколение», «ранг», «альтер», «коннектор», «латеральность» и т.п. Наконец, осуществляется обратная перекодировка таблиц в режим текста с использованием упомянутых терминов, поскольку считывать данные такого «компонентного анализа» непосредственно с таблицы невозможно. Обратному переводу с языка символов и цифр на относительно общедоступный язык соответствует часть текста с высказываниями под № 1–8. Такова исследовательская процедура, соответствующая представлениям В.А. Попова о компонентном анализе. В чем же она состоит по существу? В кодировании очевидного как неочевидного.

Как уже было сказано, целью введения символики (а коды, таблицы, цифры и терминология, используемые в статье С. Конне и В.А. Попова, представляют символический способ изображения терминов родства) всегда является стремление сделать знаковую систему более обозримой. Следовательно, метод В.А. Попова — это «очередная» попытка сделать более обозримой данную систему терминов родства. Но на деле он достигает совершенно противоположного результата, шаг за шагом он делает исходную знаковую систему все менее и менее обозримой («читательной»). Как замечают специалисты по логике науки, нельзя сделать естественный язык более обозримой знаковой системой, заменив в нем каждое слово каким-нибудь специальным значком.

Таким образом, В.А. Попов зашифровывает первоначальную эмпирическую информацию по крайней мере трижды: денотат, дезигнат, сигнификат, а затем, минуя свою же символику, средствами естественного языка с заменой в нем обычных слов специальными терминами, а по сути канцеляризмами (родственник — «альтер», родители — «породители», поколение Эго (говорящего) — «0 поколение» и т.д.) еще раз повторяет тривиальную информацию, обычно получаемую в ходе собирания словаря терминов родства, который к тому же сам по себе является вполне обозримой знаковой системой. Достаточно взглянуть на терминологию, чтобы увидеть, например, что манья различают пять поколений, а представители («альтеры») третьего восходящего и третьего нисходящего поколения от Эго обозначаются одним термином. Таким образом, никакого

метода исследования здесь просто не существует. Существует метод высказывания, основанный на некоторой «договоренности о терминах» в очень узком кругу ученых.

В пункте девять содержатся выводы, которые можно было сделать опять-таки за счет изучения списка терминов, не прибегая к какой-либо символизации вообще. Тем более что выводы носят тавтологический характер, поскольку тезис о том, что система терминов родства манья представляет собой вариант перехода от бифуркативного (австралийского) типа к бифуркативно-линейному (арабскому) типу носит сугубо синтаксический смысл. Поменяйте термины местами — и вывод будет другим. Данные выводы невозможно сделать именно по тем правилам, которые предполагает метод В.А. Попова, когда в качестве фактов родства рассматриваются только явления языка. Об этом можно не говорить прямо, достаточно на практике не обращать внимания ни на какие факты, кроме фактов языка. Лингвистов это не касается, поскольку их в конечном счете интересуют не денотаты, а семантика терминов родства. Черты бифуркативно-линейного типа В.А. Попов находит в двух фактах: в терминологическом обособлении отца и матери Эго от их сиблингов (братьев и сестер) путем образования соответствующих терминов добавлением к терминам **fa** и **ba** детерминативов «старший» и «младший»; и в появлении специальных обозначений для старших/младших сиблингов и ортокузенов Эго. Именно потому, что упомянутые факты относятся к сфере языка, они не могут ничего сказать об эволюции языка. Например, различие старших и младших сиблингов имеет большое значение во многих австралийских терминологиях родства. С этой точки зрения вывод о том, что система терминов родства манья представляет собой переход от бифуркативно-линейного к бифуркативному типу, имеет такое же право на существование, как вывод о переходе от бифуркативного к бифуркативно-линейному типу.

Ниже представлена схема родства манья по модифицированному методу А.Р. Рэдклифф-Брауна. В ней содержится информация о том, что система родства манья относится к классификационным системам, а именно к тому типу, который именуется типом карьера, или дравидийским.

Идентификация этой системы родства как классификационной связана с тем, что в данном обществе продолжает работать принцип эквивалентности сиблингов, поскольку братья Эго и его ортокузены, сыновья брата отца, обозначаются одним термином. Отнесение данной системы к типу карьера основано на том факте, что для этого типа характерны взаимные кросскузенные браки, а в данной системе под одним термином

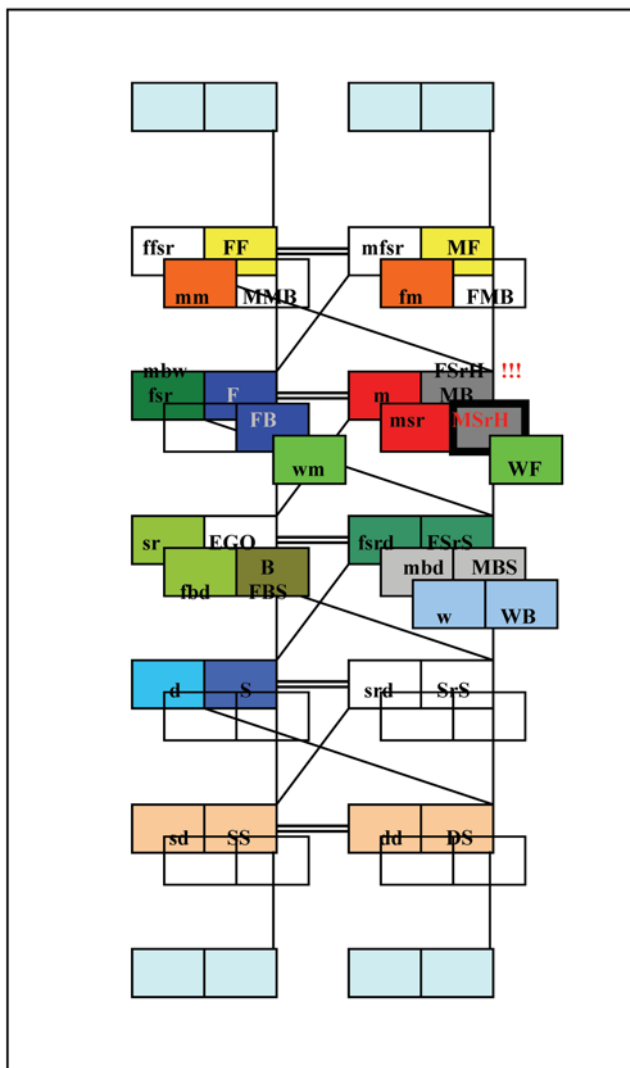

Рис. 8. Система родства манья [Конне, Попов 1995]

объединяются женщины из категории родства «сестра отца» и «жена брата матери», а также мужчины из категории «брат матери» и «муж сестры отца». Сопровождающий таблицу список терминов родства, конечно, является источником для ее составления, но только при условии знания определенных законов существования систем классификационного родства. Без знания этих законов, которые невозможно получить, строя исследование «от терминов родства к системам родства», было бы совершенно неясно, по какой именно схеме соединять между собой термины родства как ячейки, в которых содер-

жаты определенные денотаты. Для этнографа денотат — это сложный термин наподобие описательного термина лингвистов, термин, как бы раскладывающий каждую позицию родства, обозначаемую тем или иным термином языка, на неразложимые единицы, т.е. простые, или короткие, связи по родству («термин родства», по аналогии с выражением «термин теории» или термин силлогизма, т.е. не термин, указывающий родство, а термин как элемент ткани родства). В таблицу можно было бы ввести и сами термины родства в обычном смысле. Сложность только в перегруженности рисунка и в том, что термины языка будут дублировать цветовое различие между ячейками родства. Но если это проделать на практике или даже просто представить мысленно, станет лучше понятна разница между *терминами родства* в виде цветовых обозначений и *терминами языка родства*, т.е. терминами родства в обычном смысле.

Коль скоро такая таблица с изображением структуры родства построена, путем ее изучения уже можно делать некоторые выводы о той реальности, которая ей соответствует. Например, если бы В.А. Попов пользовался предлагаемым графическим методом, он бы просто не мог не заметить, что «женит» братьев матери на сестрах матери, т.е. их родных сестрах. Данная ошибка отмечена полужирным шрифтом в таблице систем терминов родства манья в статье С. Конне и В.А. Попова: $теке — ДмРРж (МВ), СмДжРРж (MSrH) — ДмРРж (МВ) = СмДжРРж (MSrH)$. Это же показано красным шрифтом на рис. 8. Применение графического метода позволило бы заметить и терминологическое отсутствие категории «сыновей сестры» (SrS и srd), требующее объяснения: либо этот термин пропущен, либо это связано с какими-то структурными особенностями системы родства манья, заставляющими «забывать» об этой категории родства. Любопытно, что «пропуск» информантом позиций SrS и srd обнаруживается в описании системы терминов родства народа сара [Мбайкенг, Попов 1999: 279]. Межпоколенное скольжение или скашивание терминов, обозначающих WF («отца жены») и (e)WB («старшего брата жены»), может свидетельствовать об иерархических отношениях в семье, где статус Эго оценивается ниже, чем статус старшего брата жены.

Относительно переходного характера системы родства манья только на основе распределения терминов языка сказать что-либо определенное трудно. Здесь необходимы данные экстралингвистической реальности, в частности об отношениях в области наследования собственности и ее характера. Например, разграничение сиблингов, т.е. братьев и сестер, по степени старшинства может быть связано с обычаем левирата/сорората. Скорее всего, в случае с системой родства манья мы

сталкиваемся с системой переходного типа между типом карьера и типом карадьери. Следовательно, речь идет о трансформации одной классификационной системы в другую, а не об эволюционном переходе от классификационной системы к линейной. На это указывает выделение самостоятельных денотатов в поколении Эго: MBS («сын брата матери») и FSrS («сын сестры отца»). Выше, по таблице, отображающей структуру родства карадьери (в данном случае речь идет именно об аборигенах карадьери), было видно, что эти категории родства различны.

Система карадьери также сохраняет следы терминологии карьера, где денотаты MB («брат матери») и FFSrS («сын сестры отца отца») обозначаются одним термином. Но их сестры, в число которых входят действительные мать Эго и дочь сестры отца отца, терминологически уже различаются, что является указанием на запрет брака с «дочерью сестры отца». Такой запрет реализуется в виде правила, согласно которому женой Эго может быть дочь брата матери при условии, что она не является одновременно дочерью сестры отца, а последнее возможно только в том случае, если сестра отца становится женой мужчины не из локальной группы MF («отца матери»), т.е. из локальной группы FFSrH (см. выше). Однако в системе манья сохраняется правило обменного брака между родственниками первого восходящего поколения, представляющими группу отца отца и отца матери (единый термин для брата отца и мужа сестры матери, для брата матери и мужа сестры отца). Это правило «сильнее» терминологического разграничения кросскузенов, поэтому систему родства манья следует идентифицировать с типом карьера, допускающим как брак с «дочерью брата матери», так и брак с «дочерью сестры отца» (в идеале они совпадают), действительными и классификационными. Более точная характеристика системы манья в рассматриваемом отношении возможна *в том числе* при наличии информации о реальных браках, раскрывающей, какие действительные родственницы попадают (если попадают) в категорию жен Эго.

А.Р. Рэдклифф-Браун, Б. Малиновский и другие известные полевые исследователи, подходившие к изучению родства профессионально, хорошо понимали важность подобной информации. Их тексты представляют не две-три странички со списком терминов родства и описанием (т.е. повторением) этого списка, а объемные исследования, занимающие десятки страниц. Сам список терминов без учета этой информации часто оказывается неполным. Как должна выглядеть работа в поле с системами родства, описано Лорной Маршалл: сначала сбор генеалогического материала в результате опроса сотен информантов, а затем изучение того, какие термины родства они

используют в отношении друг друга. Как она пишет, это отнимает массу времени, но является необходимым условием для того, чтобы иметь возможность определить, какое место каждый из множества индивидов занимает в «сети родства» [Marshall 1957: 2]. Никаких других способов полной и достоверной информации по системам родства *не существует*. Точно так же научный анализ отдельной системы родства, имея в виду этническую принадлежность, требует целостного монографического подхода. Каждая система родства — это актуальная тема для диссертации.

Пользуясь случаем, рассмотрим более подробно системы кроу/омаха, отнесенные нами к генеральному типу карадьери. Разграничение денотатов MBS, mbd и FSrS, fsrd является признаком систем типа карадьери, по которому такие системы можно практически безошибочно опознать даже тогда, когда они принимают вид непрескрипционных систем (т.е. систем, в которых предпочтительная форма брака с матрилateralной кросскузиной носит характер не экспликации, а реликта, видимого только в общем рисунке структуры родства). Именно к такой фазе систем типа карадьери относятся системы кроу/омаха.

В настоящий момент, не имея возможности собрать подробные сведения по различным вариантам систем кроу/омаха, включая сами словари терминов родства, я пользуюсь той информацией, которая содержится в диаграммах Ф.Г. Лансбери [Lounsbury 1964].

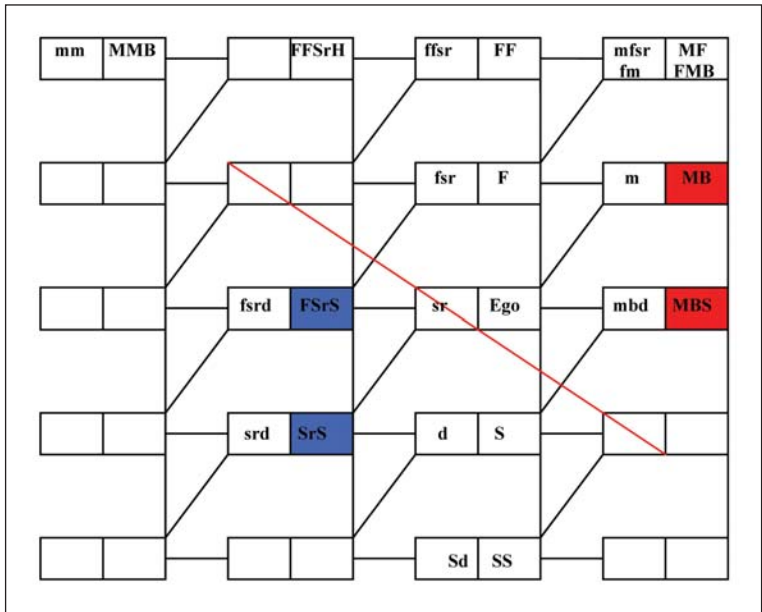

Рис. 9. Общая схема родства омаха

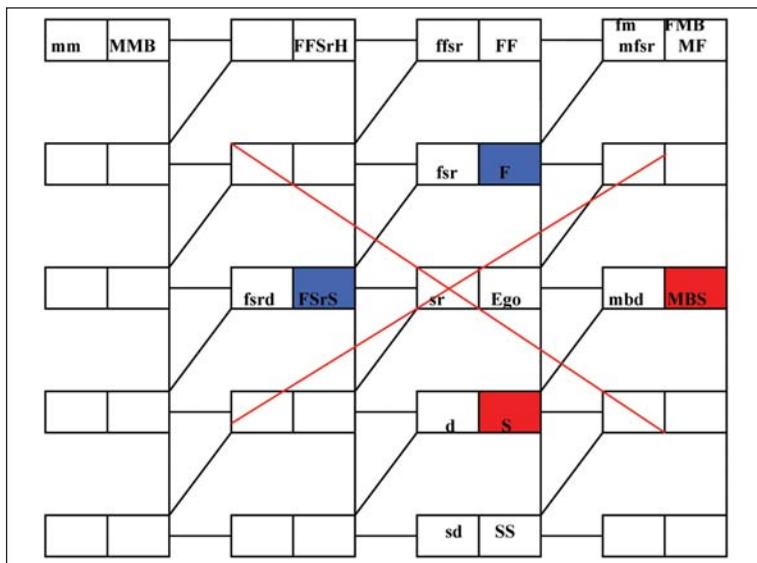

Рис. 10. Общая схема родства кроу

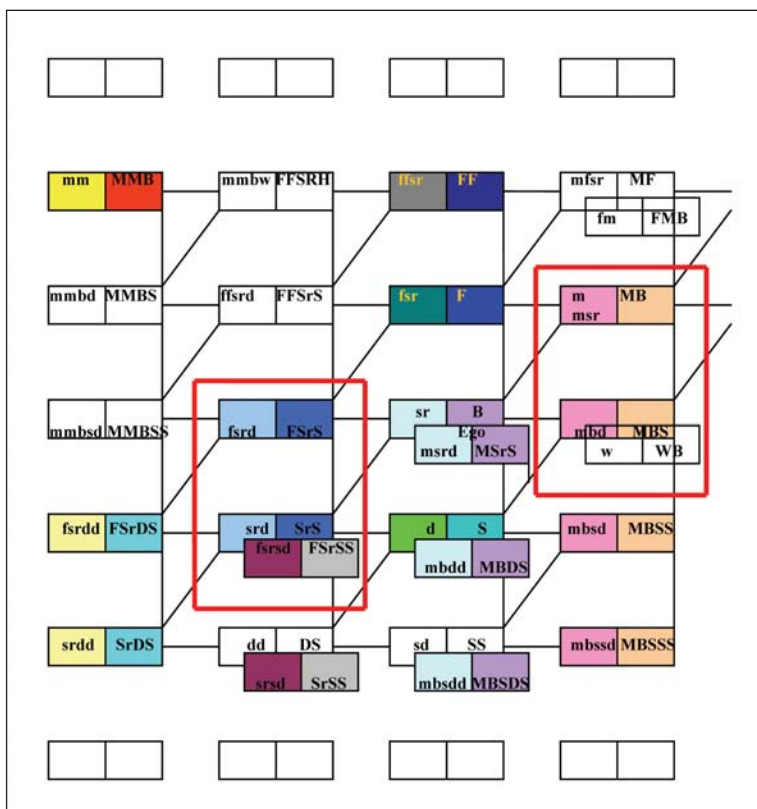

Рис. 11. Структура родства омаха, тип I [Lounsbury 1964]

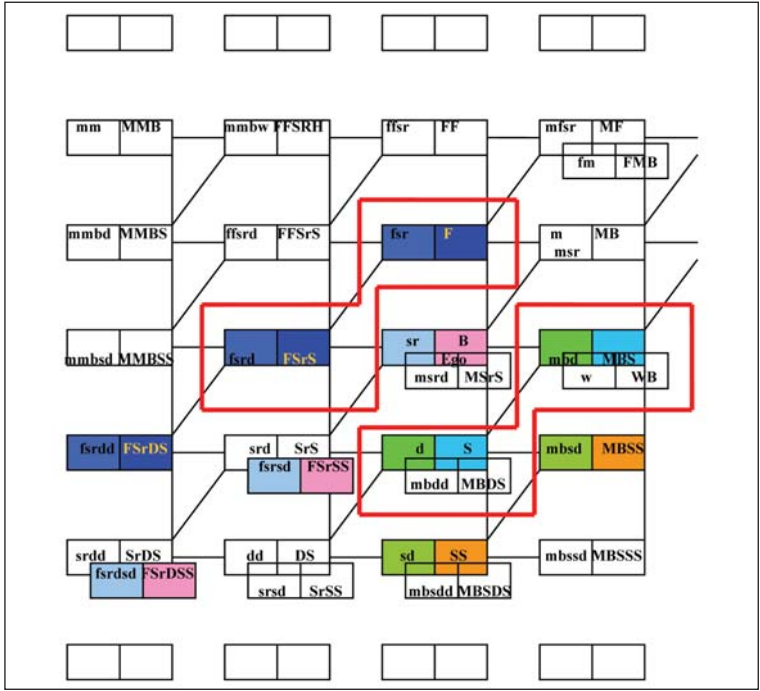

Рис. 12. Система родства кроу, тип I [Lounsbury 1964]

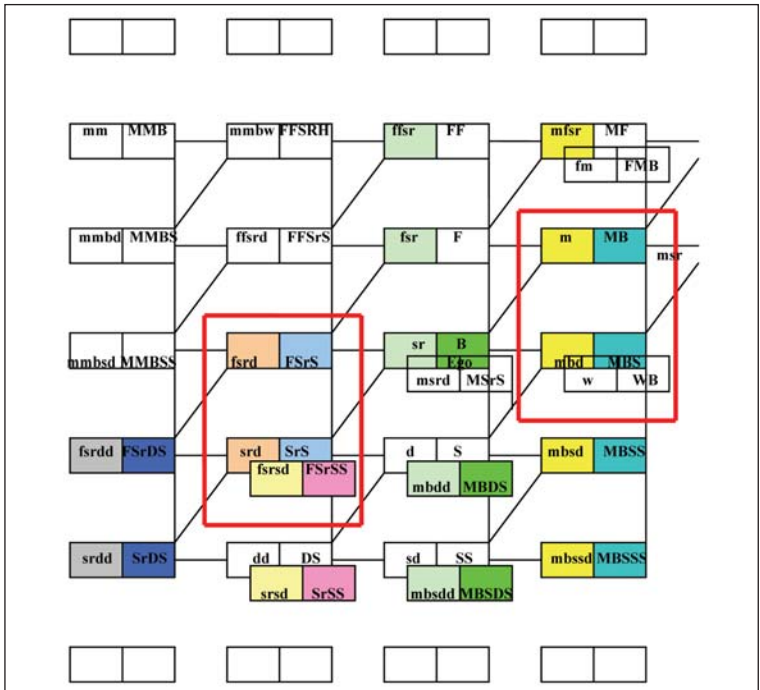

Рис. 13. Система родства омаха, тип II [Lounsbury 1964]

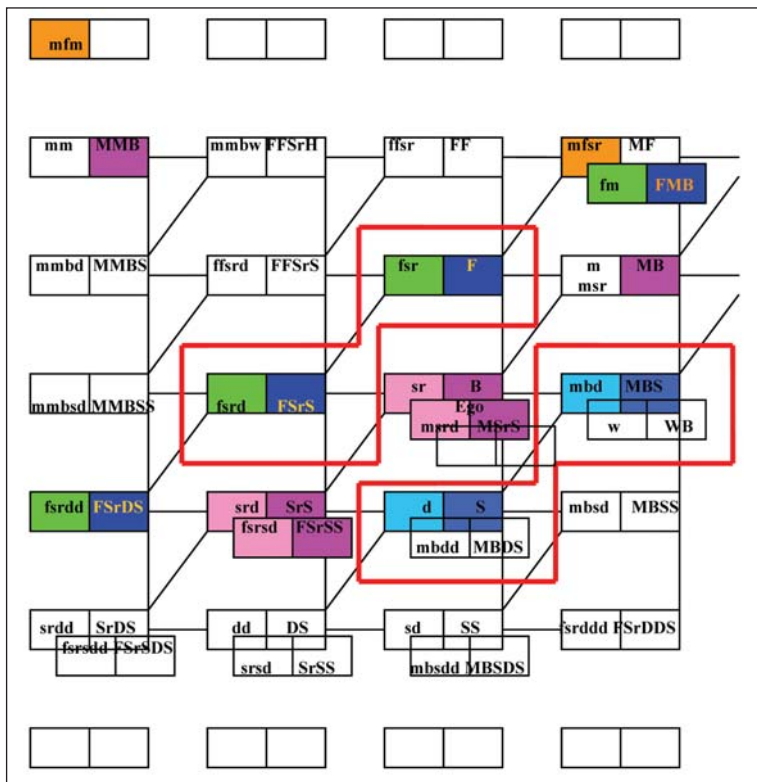

Рис. 18. Структура родства кроу, тип IV [Lounsbury 1964]

На его диаграммах не отражены линии родства в терминах второго восходящего поколения, но распределение терминов на нижних ярусах показывает наличие четырех линий, необходимых для функционирования систем типа карадери. В предыдущем случае (в книге «Этнос и мифология») предлагаемое мною графическое решение задачи основывалось на краткой характеристике этих систем в книге Г.В. Дзиебеля «The Genius of Kinship» [Dziebel 2007: 205]. Использование данных по нескольким вариантам систем кроу и омаха в статье Ф.Г. Лансбери показывает, что решение было найдено верное. Существуют два типа скашивания (независимо от обозначения кроу или омаха), соответствующих двум способам передвижения терминов, по мужской или женской линии, между поколением Эго и двумя смежными поколениями, первым восходящим и первым нисходящим. Цель скашивания по принципу эквивалентности лиц смежных поколений — запрет на браки между определенными категориями родственников, в частности, запрет на брак с действительной кросскузиной со стороны отца. Например, «распространяя» термин, соответствующий денотату «мать», на дочь брата матери и женщин, аналогичных ей по статусу родства,

носители культуры тем самым запрещают себе жениться на женщинах из этой категории. Впоследствии этот шаблон может распространяться на другие поколения, также предотвращая определенные формы брака. Это делается путем редупликации «комплементарных пар», состоящих из денотатов поколения Эго и смежных с ним поколений. Несколько необычный вариант, сочетающий в себе черты кроу и омаха, представлен системой родства народа насупо.

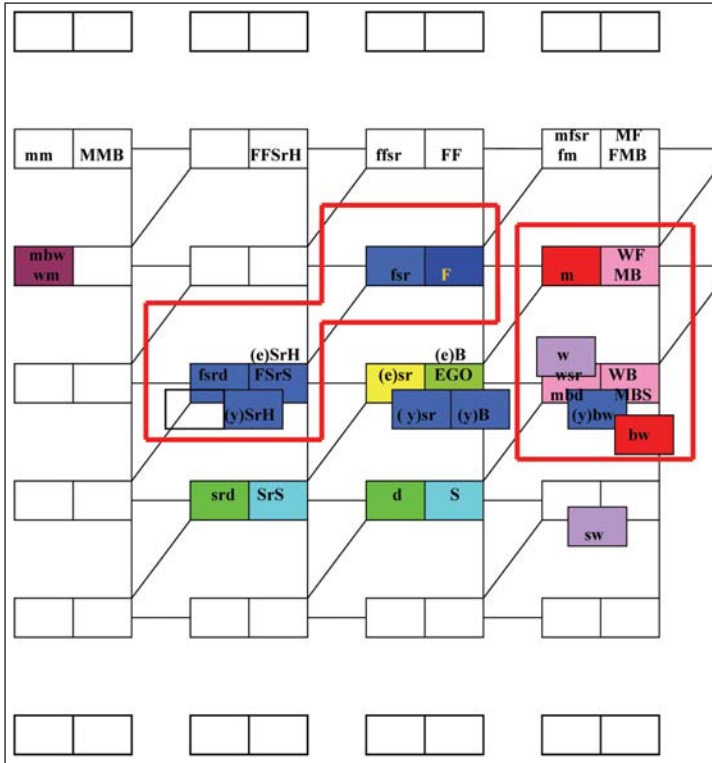

Рис. 19. Структура родства насупо [Крюков 1995]

Примечательно, что вертикальный (по мужской линии) и диагональный (по женской линии) вид скашивания в системах типа карадьери соответствует горизонтальному («генерационному») типу скашивания в системах типа карьера и аранда на пути их превращения из прескрипционных в непрескрипционные. Различие между прескрипционными и непрескрипционными системами родства А. Барнард объясняет очень точно: «Терминологии “омаха” и “кроу” в целом определяют тех, с кем нельзя вступить в брак: это любой человек, обозначаемый тем же термином, что и близкий родственник эго. В результате создаются негативно формулируемые правила вступления в брак, а следовательно — сложная структура. Но в ней

столько много запретов, что она напоминает элементарную» [Барнард 2009: 164–165].

В этой небольшой фразе заключена важная информация о доминирующих в настоящее время в науке представлениях. Во-первых, в ней косвенно раскрывается различие между лингвистическим и этнографическим подходом. Лингвистический подход подразумевает исследование фонетического развития терминов родства, этнографический — исследование их использования в качестве инструмента наложения запретов (невозможность вступления в брак с тем человеком, который «отмечен» тем же знаком (термином), что и близкий родственник). Для того чтобы воспрепятствовать бракам с носителями той или иной степени родства, достаточно «распространить» на эту группу некий запретный (запрещающий) термин, например термин, соответствующий денотату «мать», на денотат «дочь брата матери» [Белков 2009г: 262–263]. Во-вторых, А. Барнард указывает на то, что противопоставление «простые — сложные структуры», основанное на сопоставлении терминологий родства, соответствует противопоставлению «классификационные — линейные системы родства», но в таком виде, что фактически размывает границы между первичной и вторичной формацией. В-третьих, он объясняет, почему внимание исследователей переключилось с систем родства на терминологии родства. Непрескриптивные системы с негативно формулируемыми правилами представляют собой трудность в плане построения диаграмм родства. Здесь необходимы некие промежуточные шаги с целью идентификации предшествующей формы прескрипции. Вот почему А. Барнард, приведя схемы элементарных (т.е. прескрипционных) структур, не сумел построить соответствующую схему систем кроу и омаха [Барнард 2009: 164–165].

Таким образом, правильно составленные диаграммы родства выступают в качестве своего рода путеводителя по системам родства, если под системами родства понимать все множество отношений по поводу использования терминов родства, отображенное на множество знаков диаграмм родства. Этнографическим методом компонентного анализа является метод составления диаграмм родства. Этнографы интересуют не значения терминов родства (семантика), а то, как ими пользуются люди при установлении (исчислении) связей между представителями различных полов и поколений.

Согласно гипотезе, высказанной Л.Г. Морганом, при переходе от первичного этнического периода к цивилизации по мере развития отношений собственности и способов ее распределения должна возникать необходимость в более точном

определении различных степеней родства [Morgan 1871: 14]. В этой краткой формуле заключается то, что можно назвать теорией относительности систем родства Л.Г. Моргана. В этом состоит «фундамент» изучения систем родства, или «основы классификации *систем родства*, заложенные Морганом», пользуясь выражениями А.А. Бурыкина (С. 337). Рассуждения о различных вариантах постепенного перехода от одних *терминологий родства* к другим носят по сути эволюционистский (т.е. ложно эволюционный) характер и являются отражением не столько реальных процессов, сколько собственных умозрительных представлений имярек исследователя. В научных практиках, подменяющих понятие системы родства понятием системы терминов родства, эволюционистский подход реализуется в виде так называемого *piecemeal approach* («кусочковый» метод), когда сравниваются не целые явления, а их случайно выхваченные фрагменты.

Основываясь на мнении того же А.А. Бурыкина о высочайшей точности, с которой трансформации систем терминов родства отслеживаются по письменным источникам («письменным формам языка») (С. 344), можно обратиться к работам П.А. Лавровского или М.В. Крюкова. В них объективно показано, что переход от классификационных систем родства к линейным в области языка происходит радикально, если не учитывать довольно короткую стадию сосуществования соответствующих систем терминов.

Так, переводя данные, собранные М.В. Крюковым по китайской системе родства из различных письменных источников, на язык таблиц родства, можно видеть, что это система типа карьера (никаких реконструкций здесь не требуется), которая на протяжении двух тысячелетий практически не менялась, лишь приспосабливаясь к имущественным отношениям в условиях так называемой древней цивилизации, еще не предполагавшей развитые формы частной собственности и связанные с ней модели наследования [Белков 2010а].

Все говорят об ошибках Л.Г. Моргана, но продолжают пользоваться его именем, повторяя многие частные ошибки и при этом не замечая, в чем состоит его главная идея. Его идея состоит в соотношении классификационных и описательных систем родства с определенным образом жизни («картиной мира»), соответствующим понятию первичной и вторичной формации. Однако там, где речь шла собственно о различии двух больших кластеров локальных систем родства, он часто допускал простительные для первооткрывателя неточности, указывая на второстепенные признаки, а именно на различие терминологий родства. Это касается и интерпретации (малайского)

Павел Белков. Этнография родства и проблема рациональности научного открытия

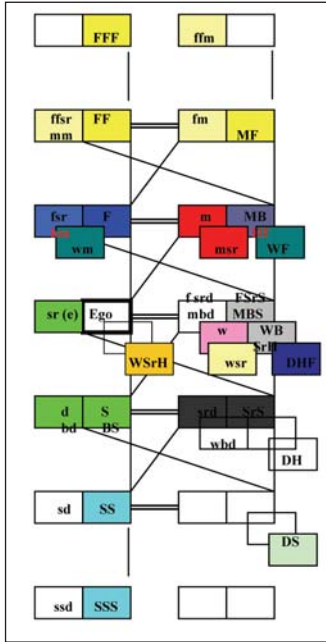

Рис. 20. Структура родства древних китайцев по «Эрья» [Крюков 1972]

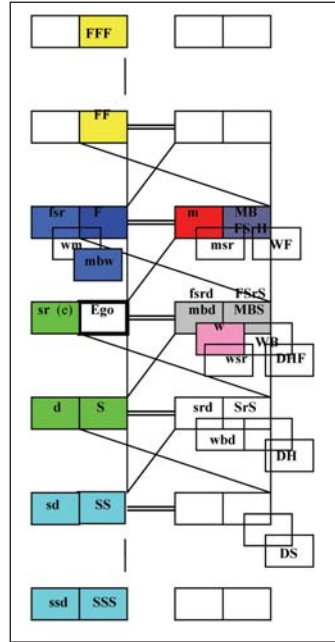

Рис. 21. Структура родства по «Моцзы» [Крюков 1972]

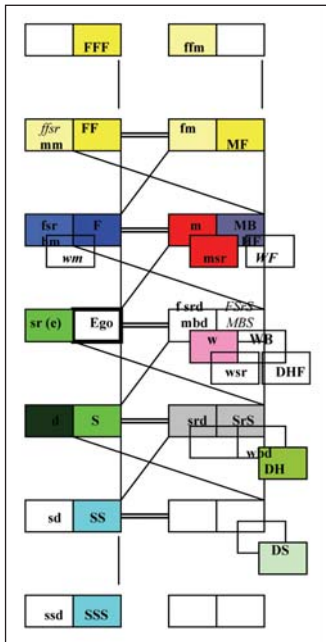

Рис. 22. Структура родства по «Санфу» [Крюков 1972]

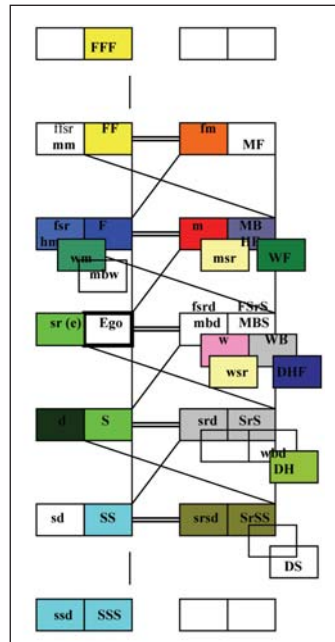

Рис. 23. Структура родства по «Шимин» [Крюков 1972]

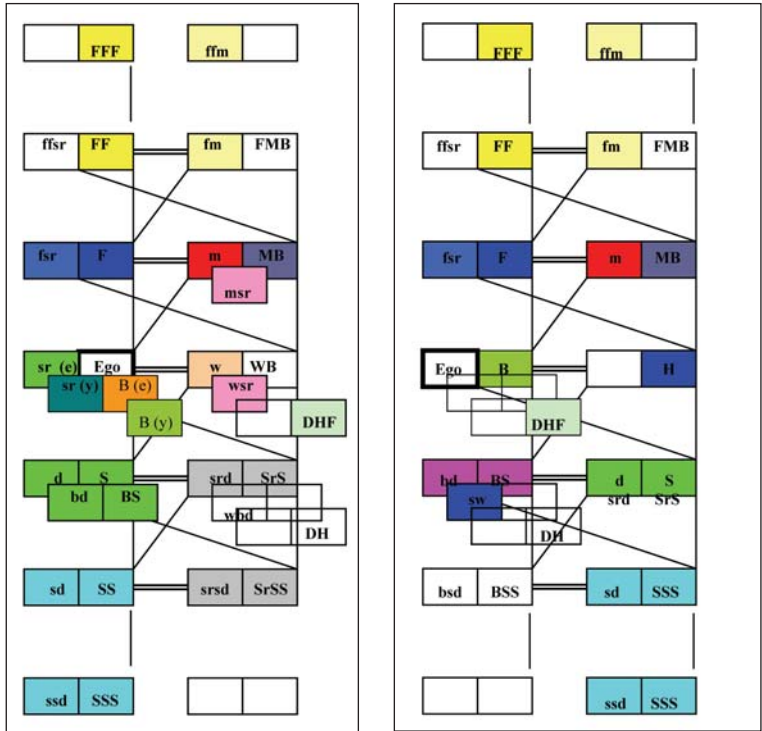

Рис. 24. Структура родства по «Цзочшуань» [Крюков 1972]

гавайского типа по отношению к турано-ганованскому, и самого определения вторичных систем родства как описательных. Это «первородное» заблуждение, связанное с нечетким различием понятий системы родства и терминологии (системы терминов) родства, повторялось и, если можно так сказать, совершенствовалось на протяжении XX в. всеми его критиками. То, что можно назвать собственным методом Л.Г. Моргана, в слабой форме было реализовано лишь однажды с помощью диаграмм (diagrams of consanguinity), противопоставляющих классификационные системы и описательные (линейные системы) [Morgan 1871: Pl. III, Pl. IX etc.].

Именно этот графический элемент («термин») теории Л.Г. Моргана получил дальнейшее развитие в работах А.Р. Рэдклифф-Брауна и тех, кто понял его метод. Существует несколько синхронических типологий классификационных систем родства. Типология самого А.Р. Рэдклифф-Брауна делит все системы классификационного родства на типы карьера (mbd/fsrd) и аранда (mmbdd) [Radcliffe-Brown 1913; Radcliffe-Brown 1918; Radcliffe-Brown 1930]. Типология А.П. Элькина — на типы карьера (mbd/fsrd), карадьеры (mbd) и аранда (mmbdd) [Elkin 1956: 49–79]. Типология Э. Лича — на типы карьера

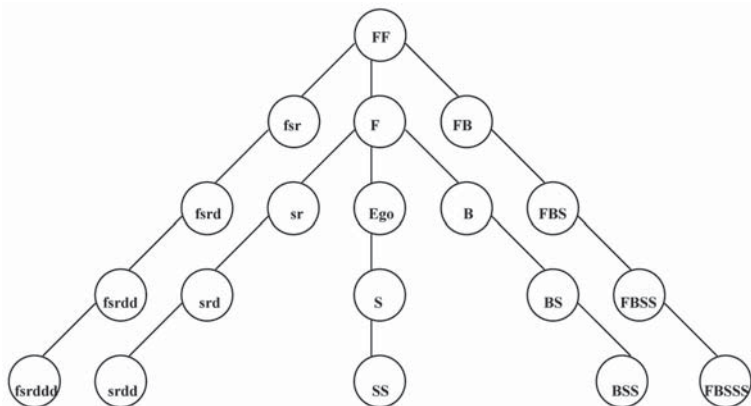

Рис. 25. Диаграмма английской системы родства [Морган 1871]

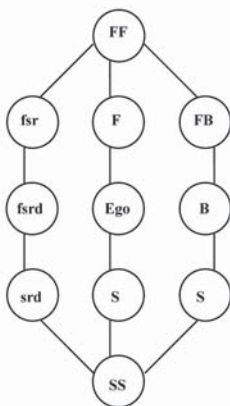

Рис. 26. Диаграмма системы родства сенека [Морган 1871]

(mbd/fsrd/mmbdd), объединяющие типы карьера и аранда, тробрианский (fsrd) и качин (mbd), соответствующий типу карадьери [Leach 1971]. В книге А. Барнарда воспроизведена скорее типология Э. Лича с добавлением структуры омаха-кроу в качестве типа, занимающего промежуточное положение между элементарными и сложными структурами [Барнард 2009: 162–164].

Итак, Л.Г. Морган был первым, кто начал понимать, что первичные («первобытные») и вторичные («наши») системы родства имеют *принципиально различную топологию*. Эксперименты показывают, что ячейки линейных систем родства невозможно разместить на одной плоскости. Чтобы собрать все ячейки родства и свойства в пространстве одного графа (графика, диаграммы, схемы, рисунка), для каждой линии (отца отца, брата отца отца, отца матери, отца жены и т.п.) придется

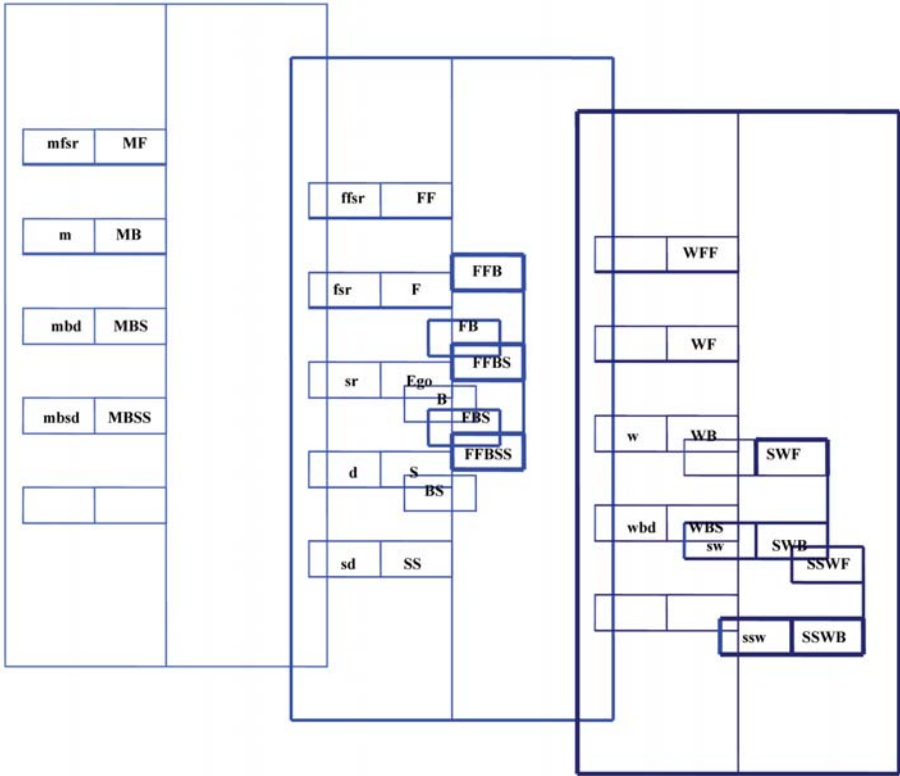

Рис. 27. Структура линейных систем родства

пририсовывать все новые и новые плоскости, параллельные остальным. Возьмем минимальное число линий, обозначив их с помощью символов FF, FFBS, FB, fm (FMB) и WF (WFF).

Как можно видеть, различие между классификационными и линейными системами родства состоит не в слиянии/разграничении отдельных терминов родства, поскольку и в тех, и в других системах присутствуют как индивидуальные, так и коллективные обозначения, а в слиянии/разграничении прямой и боковых линий: отца и брата отца, брата матери и отца жены. Одновременно происходит разграничение двух структур *счета родства*, локальной организации и генеалогических связей. В конечном счете все сводится к вопросу о принципе эквивалентности сиблингов, обнаруживается его действие в данной системе («классификационность») или нет («линейность»). Если мы обнаруживаем, хотя бы в очень слабой, сублимированной форме, действие этого принципа — перед нами классификационная система родства. Этот принцип пробивается на поверхность даже в типологии М.В. Крюкова, фактически превращенной В.А. Поповым в одну из догм «советской»

этнографии. Для «английской» и «арабской» систем характерна формула «F ≠ FB», для «ирокезской» и «гавайской» — «F = FB».

Таким образом, терминологии родства по своей природе не могут использоваться в качестве маркера при противопоставлении классификационных и линейных систем родства. Сторонники отказа от моргановской типологии, используя в качестве аргумента наличие индивидуальных и групповых терминов как в классификационных, так и в линейных (описательных) системах родства, лишь указывают на это обстоятельство вопреки своей установке на возможность создания типологии систем родства, основанной на описании терминологий. В данном случае роль «решающего эксперимента» играет определение систем родства в культурах охотников и собирателей, где обнаружено выделение простых терминов, обозначающих реальных кровных родственников и соответствующих денотатам «отец», «мать», «брат», «сестра», «сын», «дочь». К числу таких культур относят культуру бушменов. Ниже будет показано, что факты этнографии не позволяют относить систему родства бушменов /кунг к числу систем линейного, или английского, типа только на основании выделения нескольких индивидуальных терминов.

В традиционном обществе бушменов /кунг этнографами был обнаружен особый принцип классификации индивидов по личным именам, которые работают подобно терминам классификационных систем родства. Всего в районе Най-Най было зафиксировано 46 мужских и 41 женское действующее имя. В соответствии с принципом, который Лорна Маршалл назвала омонимическим методом, индивиды с одинаковыми именами занимают одинаковые позиции в системе родственных отношений, если эти имена получены от одного источника (бушмены /кунг различают свойство «быть названным в честь того или иного человека» и «иметь одно имя с тем или иным человеком») [Marshall 1957: 7–9]. Как отмечает Л. Маршалл, омонимический метод в менее развитой форме имеет распространение среди других групп бушменов, но практикуется лишь по отношению к лицам, не состоящим в отношениях действительного родства или свойства [Marshall 1957: 7].

По обычаю детям дают имена родственников или свойственников первого или второго восходящего поколения. Как правило, человек называет своего перворожденного сына по имени своего отца (т.е. отца отца ребенка), а дочь — по имени своей матери (т.е. матери отца ребенка). Если мужчина имеет несколько жен, всем другим первенцам даются те же имена. Детям, рождающимся вторыми, нарекаются имена соответственно отца матери и матери матери. Таким образом,

сиблинги получают одинаковые имена по одному предку. По данным Л. Маршалл, более пятидесяти процентов бушменов /кунг носят имена представителей второго восходящего поколения. Другим детям присваиваются имена сиблингов отца и матери или супругов этих сиблингов. Исключение: детям не передаются имена их действительных родителей, отцов и матерей, или сиблингов [Marshall 1957: 7, 8].

Принцип классификации индивидов по личным именам работает следующим образом. Если индивид назван по имени другого индивида, относительно Эго он выбывает из соответствующей биологической категории родства и попадает в одну категорию с тем индивидом, чье имя ему присвоено, используя по отношению к нему термин, соответствующих единой омонимической принадлежности. При этом, судя по данным Л. Маршалл, даритель и получатель имени используют данный термин как взаимный [Marshall 1957: 9, 10]. Таким образом, происходит отождествление лиц смежных или перемежающихся поколений.

Данное явление можно назвать омонимической системой родства. В научной литературе принято говорить о ее уникальности в сравнении с обычными классификационными системами родства, правда, с той оговоркой, что лежащий в ее основе принцип подобен сформулированному А.Р. Рэдклифф-Брауном принципу эквивалентности сиблингов. В этой связи О.Ю. Артемова предложила термин «принцип родства тезок» [Артемова 2009: 321]. Однако при ближайшем рассмотрении оказывается, что перед нами типичная классификационная система родства, прочитанная как бы задом наперед. Все начинается и заканчивается фактом, обозначенным Л. Маршалл как «генерационный метод» классификации, в противоположность вышеупомянутому «омонимическому методу». Как она отмечает, в тех случаях, когда генерационный принцип классификации вступает в противоречие с омонимическим, последнему придается преобладающее значение [Marshall 1957: 7].

Следует обратить внимание на то, что все это случаи, связанные с выбором брачного партнера в условиях, которые соответствуют классификационной системе родства неперескрипционного характера. Ориентируясь на слияние некоторых позиций родства и свойства, а именно $fsr=mbw$, $MBS=FSrS$, $mbd=fsrd$, $B=WSrH$, $SrH=WB$, можно достаточно уверенно утверждать, что система родства /кунг представляет собой вариант системы родства типа карьера. Преобразуем диаграмму Л. Маршалл, отражающую генерационный метод терминологической классификации индивидов.

Павел Белков. Этнография родства и проблема рациональности научного открытия

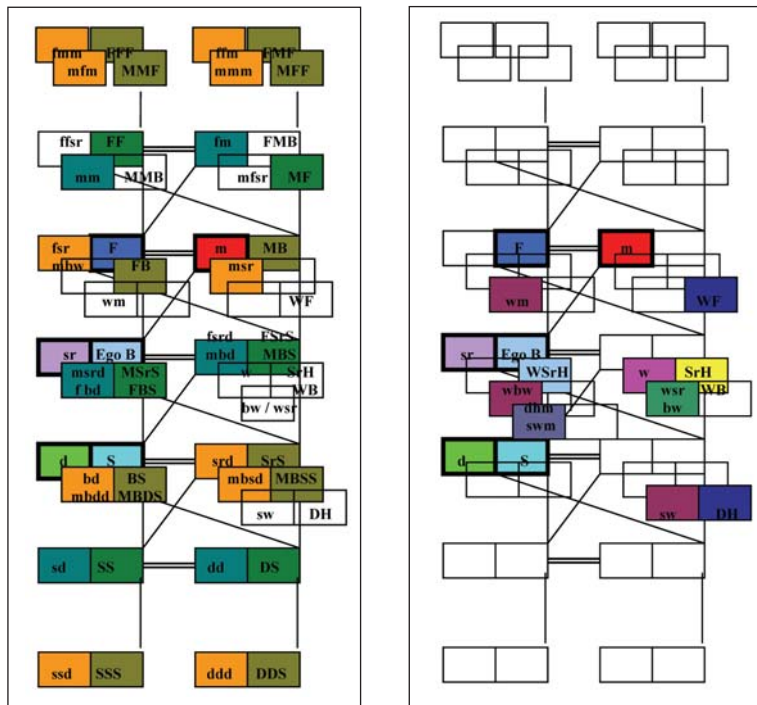

Рис. 28. Структура родства бушменов /кунг [Marshall 1957]

Построенная схема действительно соответствует типу родства карьера, но в терминологическом отношении является ее упрощением по двум параметрам. Во-первых, по отождествлению лиц перемежающихся поколений, что делает ее сходной с системой брачных классов, а во-вторых, по отождествлению лиц на линии FF и MF, принадлежащих к одному поколению, что напоминает гавайскую систему родства. Признак непрескрипционной системы типа карьера, расслаивающей ячейки w и mbd/fsrd, — «сползание» с ячеек, где находятся действительные родственники, терминов, имеющих своими денотатами FB, FBS/MSrS, BS/MBDS. Ячейки второго восходящего и второго нисходящего поколений не расслаиваются, сохраняя соответствие типу карьера. О классификационной природе системы родства /кунг напоминают и такие детали, как утверждения бушменов, что братья и сестры родителей — «как родители», двоюродные братья и сестры — «как братья и сестры», а дети братьев и сестер — «как дети» [Marshall 1957: 19]. К этому же ряду фактов относится опосредствованное дублирование терминов свойства терминами родства: по отношению к индивиду, получившему имя свойственника, применяется определенный термин родства (трансформация принципа эквивалентности родства и свойства. — П.Б.) [Marshall 1957: 16].

Сравнение с австралийскими системами родства можно продолжить. Это касается прежде всего такого, казалось бы, необычного момента, который связан с отождествлением представителей смежных и перемежающихся поколений.

В целом омонимическая система родства с ее принципом эквивалентности тезок соответствует австралийской реальности в качестве скрытой, или неразвернутой, подсистемы. Это особые братские отношения между тезками. Рональд и Кэтрин Берндт пишут: «Хотя родство является основой большинства отношений между людьми, существуют и другие виды отношений. Например, обладание одним и тем же личным именем может быть достаточным основанием для установления особых связей между двумя людьми независимо от того, принадлежат ли они к одному племени» [Berndt, Berndt 1999: 84]. У аборигенов Австралии существуют разветвленные институты передачи личных имен от представителей старших поколений представителям младших с установлением особо тесных отношений между «крестным» и носителем его имени. Новогвинейские материалы вторят австралийским. Народ орокаива (Северо-Восточная Новая Гвинея) имеет обычай давать «растительное имя» (растительную эмблему), совпадающее с именем «крестных» (*tamo*) отца отца, отца, матери и т.п. [Williams 1930: 119].

В Австралии имена могут не только выбираться старшими родственниками «определенных категорий» (также в зависимости от пола), но и передаваться по наследству. Причем из числа возможных дарителей имени, как и у бушменов, исключаются родители индивида. Согласно представлениям народа викнантияра сыну нельзя давать имя отца при жизни последнего, так как это опасно для ребенка [McConnel 1930: 184–186]. Данный запрет, вероятно, связан с представлениями о реинкарнации, а также с идеей имени как псевдосоматической части тела человека в виде его «тени» или «изображения» [Hart 1930: 285, 288; Stanner 1937: 301]. В этом аспекте Л. Маршалл, говоря о бушменах /кунг, почти цитирует австралийские материалы: «/Кунг верят, что имя является своего рода частью сущности человека, и в том случае, если кто-то назван чьим-то именем, он некоторым образом и в некоторой степени приобщается к этой сущности» [Marshall 1957: 16].

Таким образом, в традиционной культуре бушменов /кунг нет ничего противоречащего стандартам функционирования классификационных систем родства (включая особенности мировоззрения), чтобы можно было говорить об их системе родства как относящейся к линейному типу. В данном случае фиксация принципа эквивалентности сиблингов даже в измененном виде приоритетна по отношению к выделению специальных

терминов, обозначающих ближайшие степени родства. К тому же Л. Маршалл подчеркивает, что в языке /кунг понятие «кровные узы» интерпретируется иначе, чем в европейских языках. Бушмены говорят о кровных родственниках не как о генеалогических родственниках, а как о «своих людях» или «очень своих» [Marshall 1957: 18]. Но также говорят и аборигены Австралии.

Причина, по которой система родства бушменов перевернулась в «именную» форму, по-видимому, лежит в особенностях локальной организации. Среди отечественных исследователей на особую структуру локальных групп бушменов /кунг в свое время обращал внимание В.Р. Кабо, пользуясь опять-таки материалами Л. Маршалл. Ядром локальной группы бушменов /кунг в отличие от локальной группы аборигенов Австралии, является не группа сиблингов мужского пола, а группа сиблингов обоих полов с их женами и мужьями [Кабо 1986: 135]. Следовательно, подсистема свойства приобретает большее значение и вместе с тем относительно большую самостоятельность по отношению к подсистеме родства. Классификационные системы родства по сути являются отражением или, лучше сказать, генерализацией связей внутри локальной группы (принцип локальности) и между локальными группами (принцип замкнутости) [Белков 2009а; Белков 2009б; Белков 2009в].

Полевые исследователи отмечают, что в аборигенной Австралии термины, обозначающие близкое и отдаленное родство, обладают одновременно двумя смыслами: генеалогическим и географическим [Radcliffe-Brown 1931: 439; Piddington 1932: 63]. Простого наблюдения достаточно, чтобы понять, что принцип локальности синонимичен экзогамности, а принцип замкнутости — эндогамности. Эндогамность является следствием (внешней формой) принципа замкнутости так же, как эквивалентность сиблингов — следствием принципа локальности. В этом смысле наиболее верное определение эндогамности (эндогамии) мы находим именно у фольклористов. М.Е. Мелетинский определил эндогамию как «запрет слишком отдаленных браков» [Мелетинский 1995: 201]. Конечно, изначально речь должна идти не о запрете, а о невозможности или отсутствии практической необходимости заключать браки с женщинами из отдаленных локальных групп. Число относительно близких территориально локальных групп не так велико, поэтому можно говорить о предписании браков с женщинами из определенных, т.е. предписанных ограниченностью выбора, групп (ср. понятие эпигамии у Д.А. Ольдерогге [Ольдерогге 1978]).

В реальности введение чужака в общую схему родства происходит на основе достаточно простых операций, заключающихся

в идентификации индивида по именам (ср. выше «именную» систему родства бушменов /кунг): тотемным именам, названиям брачных классов, названиям местности и т.п. А.П. Элькин описывает случай, которому он сам был свидетелем. Если никто из присутствующих не прослеживает никаких родственных связей с пришельцем из чужой местности, в расчет принимается его относительный возраст, тотемическая аффилиация, принадлежность к определенной локальной группе или социальному подразделению. Последнее подразумевает «перевод» с языка чужой системы родства со всеми составляющими на язык местной системы родства. Если же все эти попытки оканчиваются неудачей, чужак рассматривается как брат представившего его индивида (видимо, проводник А.П. Элькина и его поручитель были примерно одного возраста, т.е. поколения), что является точкой отсчета при установлении взаимных обязательств с членами данного локального сообщества [Elkin 1956: 57–58]. Свидетелями подобных дискуссий, в результате которых система родства как бы воссоздается всякий раз заново (ср. закон тождества создания/исполнения в фольклоре), были и другие полевые исследователи, работавшие в Австралии.

К. Леви-Строс вполне оправданно задавал вопрос, почему дети сестры отца или дети брата матери считаются более дальними родственниками, чем дети братьев отца, ведь генеалогическое расстояние между ними абсолютно одинаково [Lévi-Strauss 1949: 127]. Ответ заключается в том, что кросскузены рождаются в другой локальной группе, следовательно, отдалены в реальном географическом пространстве от ортокузенов, принадлежащих по рождению к локальной группе Эго.

Насколько мало соответствуют реальности считающиеся общепринятыми процедуры исследования классификационных систем родства «от терминов родства — к системам родства», можно судить по замечанию У. Станнера: аборигены муринбата, помогая исследователю конструировать генеалогии, на самом деле мыслят не генеалогически. «Что они делают, — писал он, — так это указывают на связь между женщинами и их детьми, поскольку вступление в брак с мужчиной подразумевает выполнение условия, при котором мужчине обеспечивается возможность заявлять права на потомство данной женщины. Патрилинии муринбата есть не что иное, как отражение политических и юридических прав, возникающих на основе духовных агнатных связей» [Stanner 1989: 33–34].

Н.А. Бутинов в обсуждении вопроса о том, как практически встать на точку зрения носителей первобытной культуры, опираясь на данные Маргарет Мид по культуре арапеш Новой

Гвинеи. Пользуясь генеалогической схемой, этнограф впадает в иллюзию, будто диаграмма родства, полученная таким образом, является результатом деятельности самих носителей культуры, и поясняет это заблуждение следующим примером: «Этнограф хочет узнать, как называет арапеш дочь дочери брата отца отца. Если прямо спросить: “Как ты называешь дочь дочери брата отца отца?” — арапеш, конечно, ничего не поймет. Поэтому этнограф чертит схему и спрашивает: “Кто твой отец? Кто отец твоего отца? Как зовут его брата? Как имя дочери этого человека? Как имя ее дочери?”. Предположим, это женщина по имени Х. Теперь этнограф спрашивает: “Как ты называешь Х?” Арапеш отвечает: “Я называю ее сестрой”. Кажется бы, все ясно. Этнограф записывает, что дочь дочери брата отца отца арапеш называет сестрой. А на деле это не так. Арапеш вместо длинного (для него) генеалогического пути имеет другой, более короткий. К тому же, если он может связать себя с отцом, отца — с его отцом и т.д., то это еще не значит, что он соединил все отдельные звенья этой схемы. Поэтому при ответе на вопрос: “Как ты зовешь Х?” — он отводит глаза от схемы и думает только об этом лице. Ход его рассуждений при этом совершенно конкретен. Если брат этой женщины Y живет в его деревне, то он называет его своим братом. Этот брат зовет X своей сестрой, поэтому и он зовет ее своей сестрой» [Бутинов 1951: 20].

Таким образом, объясняя специфику классификационных систем родства, Н.А. Бутинов противопоставлял парадигму пространства, присущую первичным системам, и парадигму времени, присущую вторичным системам. В этом контексте критика генеалогического метода предполагает не отказ от графических схем вообще, но подбор таких способов схематизации, которые соответствуют пространственной природе классификационных систем родства. По-видимому, в этом состоит настоящая этнографическая традиция изучения феномена родства.

Заключение

Все, о чем говорилось выше, можно свести к утверждению, что концепция типов классификационных систем родства А.Р. Рэдклифф-Брауна имеет универсальное значение. В сущности, «оборачивание» идеи типов классификационного родства в идею форм обмена женщинами в работах К. Леви-Строса является иным способом говорить об универсальности концепции А.Р. Рэдклифф-Брауна. По своему научному потенциалу открытие А.Р. Рэдклифф-Брауна явилось важнейшей фазой в развитии концепции классификационного родства

после открытия Л.Г. Морганом классификационных систем родства, и на фоне этнографии в целом вполне сопоставимо с обоснованием В.Я. Проппом теоретической возможности табуляции волшебных сказок. С другой стороны, в конструкции А.Р. Рэдклифф-Брауна просматривается принцип, лежащий в основе так называемых кругов Эйлера-Венна. Это особенно хорошо видно на модифицированных схемах А.Р. Рэдклифф-Брауна с добавлением таких элементов, как «непересечение линий родства», «ячейка родства» и «цвет степени родства». Данное наблюдение позволяет предположить, что в будущем в исследованиях по системам родства возможно применение *непсевдоматематических* методов.

На данном этапе при использовании моделей классификационного родства надо иметь в виду три обстоятельства. 1. Каждый тип представлен несколькими вариантами, насчитывающими большее число вертикальных линий родства по отношению к минимально возможному числу линий (вновь возникающие линии являются результатом расщепления или раздвоения главных линий, поэтому в терминологическом плане могут сохранять следы былого неразличения). 2. Между системами родства и сопутствующими им терминологиями не существует жесткой связи. При очень ограниченном числе систем родства возникает огромное разнообразие систем терминов. Достаточно простые системы родства используют максимальный набор терминов, и наоборот, достаточно сложные системы родства порой весьма бедны в терминологическом отношении. 3. На модификацию социальной организации откликаются не отдельные термины, но система родства в целом, поскольку любая система родства есть не что иное, как система запретов, разрешений и предписаний в том, что касается прагматики родства, подразумевающей взаимоотношения между двумя целостностями — между: 1) системами родства как таковыми, т.е. знаковыми системами, и 2) людьми с их интеллектом, т.е. системой отношений между ними в различных сферах жизни. В этом смысле типы классификационных систем родства представляют собой своего рода карты ячеек родства (денотатов) в системе координат двухмерного пространства: принадлежность к определенному локусу («линии») и принадлежность к определенному поколению (в значениях «возрастная группа», «ярус», «уровень», «ступень»). Исследователь в качестве представителя культуры линейных систем вынужден смотреть на классификационные системы родства как бы на уровне глаза — с одной стороны («вид сбоку»). Сами носители культуры классификационного типа смотрят на родство как бы с высоты — со всех сторон («вид сверху»). Следовательно, их собственное видение в отличие от нашего скорее трехмерное, чем двухмерное.

Библиография

- Артемова О.Ю.* Колено Исава. Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009.
- Барнард А.* Социальная антропология: исследуя социальную жизнь. М.: ИЭА РАН, 2009.
- Белков П.Л.* К интерпретации классификационных систем родства (по китайским материалам // Кюнеровский сборник: Материалы восточноазиатских и юго-восточных исследований 2008–2010. Вып. 6. СПб.: МАЭ РАН, 2010а. С. 62–78.
- Белков П.Л.* Классификационные системы родства: принцип построения локального пространства // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009а. Сер. 2: История. Вып. 3. С. 111–121.
- Белков П.Л.* Миф и категории социального пространства (Понятие рода у аборигенов Австралии) // Ранние формы социальной организации: генезис, функционирование, историческая динамика. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 51–59.
- Белков П.Л.* Система экзогамии // Алгебра родства. Вып. 4. СПб.: МАЭ РАН, 1999. С. 64–77.
- Белков П.Л.* О принципах классификаторского родства // VIII конгресс этнографов и антропологов России, Оренбург, 1–5 июля 2009 г.: Тезисы докладов. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2009б. С. 531.
- Белков П.Л.* Об использовании геометрического кода в исследованиях по классификационным системам родства // Антропологический форум. 2010б. № 12 Online. С. 1–17.
- Белков П.Л.* Принцип локальности австралийских систем родства // Радловский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2009в. С. 126–129.
- Белков П.Л.* Тетраидная теория как элемент научного познания, или По поводу смысла «алгебры родства» // Алгебра родства. Вып. 1. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 88–91.
- Белков П.Л.* Этнос и мифология: элементарные структуры этнографии. СПб.: Наука, 2009г.
- Бурыкин А.А.* Какая реальность наблюдается исследователями при описании систем терминов родства? // Алгебра родства. 2000. Вып. 5. С. 63–75.
- Бурыкин А.А.* О реконструкции архаических состояний, родстве и классификации языков // Алгебра родства. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 38–41.
- Бутинов Н.А.* Проблема экзогамии // Родовое общество: этнографические материалы и исследования. М.: Изд. АН СССР, 1951. С. 3–27. (Труды института этнографии. Новая серия. Т. 14).
- Дзибель Г.В.* Феномен родства: Прологомены к иденетической теории. СПб.: МАЭ РАН, 2001.
- Добронравин Н.А.* Лингвистическая антропология, этнолингвистика, иденетика? // Алгебра родства. Вып. 5. СПб.: МАЭ РАН, 2000. С. 58–62.

- Дыбо А.В., Кулланда С.В.* Calumniare audacter (по поводу отклика Г.В. Дзибеля) // Алгебра родства. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 36–37.
- Кабо В.Р.* Первобытная доземледельческая община. М.: Наука, 1986.
- Конне С., Попов В.А.* Система терминов родства манья (Либерия) // Алгебра родства. Вып. 1. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 198–202.
- Крюков М.В.* Система родства китайцев (эволюция и закономерности). М.: Наука, 1972.
- Крюков М.В.* Синхронно-диахронный метод и концепция трансформационной многолинейности систем родства // Алгебра родства. Вып. 1. СПб.: МАЭ РАН, 1995. С. 111–137.
- Лавровский П.А.* Коренное значение в названиях родства у славян. 2-е изд., репринт. М.: УРСС, 2005.
- Мбайкенг М., Попов В.А.* Современная система терминов родства сара (Республика Чад) // Алгебра родства. Вып. 3. СПб.: МАЭ РАН, 1999. С. 278–284.
- Мелетинский Е.М.* Поэтика мифа. М.: Изд. фирма «Вост. лит.»; Шк. «Языки рус. культуры», 1995.
- Морган Л.Г.* Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации / Пер. с англ. под ред. М.О. Косвена. Л.: Изд-во Ин-та народов Севера ЦИК СССР, 1935.
- Ольдерогге Д.А.* Эпигамия // Africana: Африканский этнографический сборник XI. Л.: Наука, 1978. С. 3–12. (Труды института этнографии. Новая серия. Т. 105).
- Попов В.А.* К исторической типологии систем терминов родства: типы кроу и омаха // Советская этнография. 1977. № 2. С. 43–54.
- Попов В.А.* Номенклатура родства и система терминов родства: соотношение лингвистического и этнографического // Алгебра родства. Вып. 2. СПб.: МАЭ РАН, 1998. С. 135–141.
- Попов В.А.* Основные направления и проблемы изучения феномена родства в последнюю треть XX века // Проблемы этнографии и истории культуры народов Азиатско-Тихоокеанского региона. СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. С. 207–215.
- Попов В.А.* Этносоциальная история аканов в XVI–XIX веках. М.: Наука, 1990.
- Соколовский С.В.* Этнографы открывают закон? // Этнографическое обозрение. 2002. № 5. С. 28–32.
- Berndt R.M., Berndt C.H.* The World of the First Australians. Canberra: Aboriginal Studies Press, 1999.
- Buchler I.R., Selby H.A.* Kinship and Social Organization: An Introduction to Theory and Method. N.Y.: The Macmillan Company, 1968.
- Dzibel G.V.* The Genius of Kinship: The Phenomenon of Human Kinship and the Global Diversity of Kinship Terminologies. N.Y.: Cambria Press, 2007.
- Elkin A.P.* Australian Aborigines. Sydney: Angus and Robertson, 1956.

- Hart C.W.M.* Personal Names among the Tiwi // *Oceania*. 1930. Vol. 1. No. 3. P. 280–290.
- Kroeber A.L.* Classificatory Systems of Relationship // *Readings in Kinship and Social Structure* / Ed. by N. Graburn. N.Y.: Harper and Row, 1971. P. 59–64.
- Leach E.R.* An Alternative Theory // *Readings in Kinship and Social Structure* / Ed. by N. Graburn. N.Y.: Harper and Row, 1971. P. 223–231.
- Lévi-Strauss C.* Les structures élémentaires de la parenté. Paris: Presses Universitaires de France, 1949.
- Lounsbury F.G.* A Formal Account of the Crow- and Omaha-type Kinship Terminologies // *Exploration in Cultural Anthropology: Essays in Honor of G.P. Murdock* / Ed. by W.H. Goodenough. N.Y.: McGraw-Hill, 1964. P. 351–393.
- Lounsbury F.G.* The Structural Analysis of Kinship Semantics // *Readings in Kinship and Social Structure* / Ed. by N. Graburn. N.Y.: Harper and Row, 1971. P. 258–271.
- Marshall L.* The Kin Terminology System of the /Kung Bushmen // *Africa*. 1957. Vol. 27. No. 1. P. 1–25.
- McConnel U.* The Wik-Munkan Tribe. Part II: Totemism // *Oceania*. 1930. Vol. 1. No. 2. P. 181–205.
- Morgan L.H.* Systems of Consanguinity and Affinity of the Human Family. Washington: Smithsonian Contributions to Knowledge, 1871.
- Morgan L.H.* Ancient Society. N.Y.: Holt, 1907.
- Piddington R.* Karadjeri Initiation // *Oceania*. 1932. Vol. 3. No. 1. P. 46–87.
- Radcliffe-Brown A.R.* Notes on the Social Organization of Australian Tribes // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1918. Vol. 48. P. 222–253.
- Radcliffe-Brown A.P.* The Social Organization of Australian Tribes. Part 1 // *Oceania*. 1930. Vol. 1. No.1. P. 34–63.
- Radcliffe-Brown A.P.* The Social Organization of Australian Tribes. Part 3 // *Oceania*. 1931. Vol. 1. No. 4. P. 427–456.
- Radcliffe-Brown A.R.* Three Tribes of Western Australia // *Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland*. 1913. Vol. 63. P. 143–195.
- Read D.W.* Another Look at Kinship: Reasons Why a Paradigm Shift is Needed // *Алгебра родства*. Вып. 12. СПб.: МАЭ РАН, 2009. С. 42–69.
- Stanner W.E.H.* Aboriginal Modes of Address and Reference in the North-West of the Northern Territory // *Oceania*. 1937. Vol. 7. No. 3. P. 300–315.
- Stanner W.E.H.* On Aboriginal Religion // *Oceania Monograph*. 1989. Vol. 36. P. 2–171.
- Williams F.E.* Orokaiva Society. London: Oxford University Press, 1930.